

Тетралогия
в одном
томе

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

Рыцарь

Москва, 2016

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

Тетралогия
в одном
томе

- Царство Небесное •
- Степь •
- Кроусмарш •
- Еретик •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 2005 году
Выпуск 147

Художник
С. А. Григорьев

Калбазов К. Г.
К17 Рыцарь: Царство Небесное; Степь; Кроусмарш; Еретик.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016.— 889 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2183-1

Пережить удар молнии, получить дар абсолютной памяти и оказаться неизвестно где. Нет, не на Земле, а в каком-то другом мире. В мире, где царит темное Средневековье и правит бал святая инквизиция, безжалостно преследующая инакомыслие и отправляющая всех несогласных на костер. Вдобавок ко всему люди не являются хозяевами этого мира. Они здесь самые настоящие «понаехавшие». Хозяева же, орки, тащат людей в котел, как того требует их хищная натура.

Ну как, нравится? А вот Андрею Новаку, нашему современнику, очень даже понравилось. Настолько, что он даже не помышляет о возвращении. Разве только сам мир... По мнению Андрея, его можно сделать чуть более комфортным. Вот только даже за такую малость ему придется сражаться на грани собственных сил, раз за разом рискуя собственной жизнью и жизнями тех, кто поверил в него.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2183-1

© Калбазов К. Г., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

● Царство Небесное ●

Глава 1 МОЛНИЯ

Было еще не поздно, однако уже начало темнеть, и Андрей вынужден был включить фары, чтобы не поймать лишнего ухаба на разбитом асфальте. Однако дорога была в столь плачевном состоянии, что колеса старенькой «шестерки» то и дело ухали в провалы, жалобно скрипя сайлентблоками и заставляя грохотать весь корпус. Народная марка автомобиля с семидесятых годов, вот уже более тридцати лет считалась самой мягкой и сбитой машиной российского автопрома, уверенно занимая лидерство среди автомобилистов среднего достатка, однако о машине Андрея сказать этого было нельзя. «Ласточка», как он ее именовал, уже давно требовала ремонта, но на это, как всегда, не было денег — хватало прорех и дыр в семейном бюджете, которые постоянно приходилось затыкать.

Прислушиваясь к неприятным звукам, издаваемым бедным авто, Андрей понял, что как ни тяжело сейчас, но придется выкроить немного средств для приведения в порядок хотя бы ходовой. В настоящий момент его многострадальная «шестерочка» была попросту в аварийном состоянии, и откладывать ремонт на потом уже не было никакой возможности.

«Либо ты разорешься на запчасти и лезешь под нее — либо ставь на прикол. И желательно уже сегодня, — поймав очередной ухаб и услышав дробный грохот, подумал он. — Ну да ладно, потерпи, красавица, никак сегодня не получится, сегодня нужно еще немного поработать. Черт, опять яма. Артур, зараза, и что у тебя за раздолбанная такая улица!»

Двоюродный брат позвонил совершенно неожиданно и попросил его приехать, так как ему необходима была помощь Андрея, и срочно. Вопрос, как выяснилось, действительно был горячим.

История имела давние корни — еще с лихих девяностых. В те годы в их небольшом городишке то и дело гремели выстрелы и взрывы, унося из жизни то блатных, то прилатненных, а то и вовсе случайных людей, оказавшихся не в том месте и не в то время.

Андрею «повезло» устроиться на работу в милицию именно в это развеселое время. Он бы, конечно, не совался в эту структуру, напроць прогнившую и вызывающую у него только позывы к рвоте, но тогда он еще не представлял всей картины, да и некуда было ему податься.

Он был офицером-пограничником, и можно сказать, вполне перспективным. Однако его угораздило выпуститься из училища именно в самый разгар развала СССР, а значит, на своей шкуре прочувствовать все прелести воинской службы — с задержкой заработной платы, набором в когда-то элитный род войск наркоманов и судимых, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Уволившись из армии и не найдя себя на гражданке, он стал думать: куда податься и как жить дальше, благо хотя бы с жильем вопросов не возникало — отцовский дом был вполне просторным. Вот так и вышло, что он не придумал ничего лучшего, как устроиться на работу в милицию, где и проработал участковым без малого двенадцать лет, а как только выслуга позволила, то год назад ушел на пенсию.

Так вот, в девяносто пятом году в маленьком городке противостояние достигло апогея: группировки вооружались кто чем и как мог. Надо заметить, недостатка в оружии не было: в армии был такой бардак, что отчаявшиеся военные торговали оружием направо и налево и зачастую не столько наживались на этом, сколько добывали средства на прокорм семей.

Артур в то время работал водителем у одного из авторитетов города, и тот решил сделать дома у своего водилы схрон с оружием — так, на всякий случай. Артур по понятным причинам отказать ему не смог: работу терять не хотелось.

Так и вышло, что в палисаднике у брата Андрея оказался маленький склад оружия, а так как единственный человек, который о нем знал, кроме Артура, был вскоре убит, то все это богатство оказалось в распоряжении водилы ныне покойного авторитета, но вот что с этим богатством делать — Артур не знал.

Об этом он рассказал Андрею, и тот, недолго думая, предложил вывезти оружие за город и закопать его в лесу. Артур был с этим согласен, так как связываться с добровольной выдачей не желал, да и Андрей не советовал ему этого делать. Одно дело сдать незарегистрированную охотничью двустволку и совсем другое — несколько стволов боевого оружия. Да в Андреева брата вцепились бы мертвой хваткой, а если бы стволы оказались еще и грязными, то есть засветились в каком-либо убийстве, а вероятность этого была вполне реальной, то Артуру были бы полные вилы. Но, как водится, мероприятие все время откладывалось на потом, а затем этот факт как-то поистерся в памяти.

Так этот склад и пролежал в земле более десяти лет. Ситуация в стране стала более или менее устаканиваться, Артур, работая на стройке, вполне прилично зарабатывал и уже пару лет как подумы-

вал о том, чтобы построить баньку. Наконец он решил осуществить задуманное, но так как хотел устроить приличную сауну с бассейном, то пришлось рыть небольшой котлованчик. И надо же было ему забыть о припрятанном оружии.

О нем он вспомнил, только когда полез в вырытую экскаватором яму, чтобы выкидать осыпавшуюся землю. Вернее, схрон сам о себе напомнил, когда часть края котлована осыпалась, обнажив боковую стенку одного из ящиков.

Трясаясь как осиновый лист, Артур поспешил позвонить Андрею, вопия о помощи. Оставить брата без поддержки Андрей никак не мог хотя бы потому, что тот, в свою очередь, не раз и не два помогал ему, не считаясь ни со временем, ни с трудностями.

Наконец, проскрипев тормозными колодками, машина остановилась перед воротами частного дома. Словно ожидая этого сигнала, створки ворот тут же раздались в стороны, и в свете фар возник Артур. Отойдя в сторону, он махнул рукой, призывая заезжать во двор, и, едва авто проскользнуло внутрь, брат суетливо прикрыл ворота.

— Ну показывай, где тут твое богатство, — преувеличенно бодрым тоном проговорил Андрей.

— Все бы тебе прикалываться, а у меня поджилки трясутся. Надо быстрее вывозить, пока жена не вернулась: у нее уже двадцать минут как смена закончилась.

— Ну ладно, где они хотя бы?

— Да вон два ящика. — Артур махнул рукой в сторону стоявших у забора двух оружейных ящиков. — Весь взопрел, пока их выволок.

— В багажник они не войдут, — хмуро заметил Андрей.

— Знаю. — Артур деловито открыл заднюю дверь и сноровисто начал расстилать на заднем сиденье невесту откуда взявшиеся два старых покрывала.

— Э-э, ты чего? Не хрен им делать в салоне, — догадавшись о намерениях брата, начал возмущаться хозяин многострадального авто.

— А что ты предлагаешь? — продолжая свое занятие, поинтересовался Артур.

— Да вытащить все это хозяйство из ящиков и свалить в багажник.

— А ящики?

— Да мало ли армейского барахла сейчас у людей в хозяйстве.

— Мне этого богатства не надо, — закончив расстилать покрывала, резюмировал Артур. — Давай, грузим.

— Ну дай хотя бы взглянуть на твое добро, кладоискатель ты наш.

— Некогда. Ленка вот-вот вернется.

С этим спорить не хотелось. Лена — та еще штучка, сует свой нос во все дырки, а потом еще и треплет языком где ни попадя. Нет, видеть ей это совсем не обязательно. Сноровисто подхватив ящики, братья быстро впихнули их на заднее сиденье и накрыли старым одеялом. Артур открыл багажник, чтобы сложить туда лопаты, и, взглянув в него, злорадно улыбнулся.

— В багажник, говоришь?

— А, блин, я и забыл совсем: мать просила сестре картошку завезти.

— Ладно, проехали.

В багажник поверх двух мешков с картошкой упали две штыковые лопаты с укороченными черенками — и все, можно трогать.

Однако человек предполагает, а бог располагает. Именно в этот момент калитка открылась, и во двор вошла Елена прекрасная — между прочим, не в переносном смысле. Лена выглядела на все сто: несмотря на рождение двух детей и бальзаковский возраст, она была все так же плотно сложена, как и в день знакомства с братом, но без какого-либо намека на полноту, и это все было достигнуто без мазохистских занятий фитнесом или изнурительных диет — просто матушка-природа взяла под крыло эту красивую женщину, несмотря на то что уж она-то ни в чем себе не отказывала.

Привычным и довольно изящным движением Лена откинула за спину прядь длинных пепельных волос и, склонив головку немного набок, озорно улыбнулась:

— Ой, мент. Привет.

— Не мент, а заслуженный пенсионер Юга России.

— Ну, насколько мне известно, в вашей конторе бывших не бывает.

— Это точно, тогда я буду первым, так как полностью абстрагировался от этой прогнившей организации.

— Ага, а пенсионным удостоверением перед носом гаишников махать не забываешь. Они-то, бедолаги, думают, что свой, а налицо вражина.

— Ну они ведь маскируются под честных служаек, так почему же и мне не подыграть им? Ладно, Лен, мы тут с Артуром ненадолго отъедем. Срочное дельце нарисовалось, через час верну твоего благоверного.

— А что это у вас за дела? — осматривая машину и не находя ничего предосудительного, поинтересовалась она. При этом Андрей добрым словом помянул свою бывшую работу, так как именно из-за нее он в свое время затонировал стекла, как говорится, в хлам, поэтому рассмотреть, находится ли что-нибудь внутри, Лена попросту не могла. — Нет, Андрюша, на этот раз без Артурчика. Нас пригласили на день рождения. Так что у нас время только переодеться.

— Лен, да мы мигом, и часа не пройдет, — попытался спасти ситуацию Артур, но нарвался на такой выразительный взгляд, что Андрей понял — скандал будет, а вот толку из этого не выйдет. Скандалить Лена могла самозабвенно и подолгу, и остановить эту стихию не было подвластно никому.

— Ладно, Артур, в следующий раз.

— А как же...

— Потом, Артур, потом, — не дав договорить брату, заключил Андрей. Ох как не хотелось возиться с этими ящиками одному, но, видно, все же придется.

Запустив двигатель, он выехал со двора и направился к концу улицы, выходящей в поле. Этот район стал застраиваться только в девяностые и не был популярным, так что полноценно была застроена только улица, на которой жил брат, а буквально через сотню метров начиналось поле. Впрочем, его лучше было назвать пустырем, так как эта земля уже давно забыла, что такое плуг.

Объехав по полевой дороге жилой квартал во избежание встреч с ДПС, Андрей направился к дороге, ведущей в соседний поселок. Не доезжая до поселка бывшего совхоза, он рассчитывал свернуть опять на полевую дорогу и взять в сторону небольшого лесного массива. Было там одно неприметное местечко, где он и хотел закопать опасный груз.

Но, видно, день или, точнее, вечер был не его. Едва он свернул на асфальт, как сзади засверкали проблесковые маячки, затем зажглись фары, и патрульная ДПС погналась за ним. Да-а. Что такое не везет и как с ним бороться. Убегать бесполезно, только хуже будет — тогда дэпээсники точно не отвяжутся. Они иногда устраивали засаду в этом месте, высматривая крадущиеся по полям авто, так как зачастую этим путем пользовались недобросовестные водители, употребившие горячительное, а потом влезшие за руль. Начни убегать — и они уверяют в том, что это их добыча желает ноги сделать, а что такое пьяный за рулем для ГИБДД, объяснять не надо. Клондайк.

Решив действовать на опережение, Андрей, не дожидаясь команды, включил поворотник и остановился на обочине. Вскоре к нему подошел инспектор, и Андрей, стараясь держаться спокойно, протянул ему свое пенсионное удостоверение.

Этих ребят он не знал, так как служивые были не из городского отдела, а из районного. Но с другой стороны, риск был минимальным, пенсионное всегда прокатывало на раз.

— Андрей Михайлович, а что по полевым-то дорогам? — возвращая удостоверение, поинтересовался лейтенант.

— А ты по Западной давно ездил? — едва справляясь с волнением, проговорил Андрей.

— Да мы-то районные.

— А ты съезди, может, повезет и подвеска уцелеет.

— А везете что?

— Оружие, — ухмыльнувшись ответил Андрей. Он давно уже заметил за собой, что всякий раз в серьезной ситуации испытывал страх, но стоило событиям начать свой ход, как становился собранным и напористым. По-другому было попросту нельзя. Всякий раз, идя на очередную хату на своем участке, он испытывал страх и шел только потому, что это была его работа и, если хотите, долг. Каждый раз, входя в притон, он трясся как осиновый лист и злился на себя за это безмерно, но стоило ему предстать перед обитателями этих мест, как страх загонялся им куда-то внутрь и продолжал скулить отку-

да-то из недр души, а сам Андрей, заведенный и науськанный самим собой, преобразался и представал перед братией во всей своей несокрушимости и самоуверенности.

— А просто ответить нельзя? — обиженно зыркнув на водителя, проговорил инспектор. — Мы ведь на службе.

— Ладно, не заводись, лейтенант. Открыть багажник? — Андрей открыл свою дверь, намереваясь выйти из машины.

— Не надо. Езжайте. Счастливого пути.

— И вам удачи.

«Вот, блин, слуги народа и его же наказание. А ведь могли по медальке схлопотать за обезвреженного оборотня в погонах, пардон, пенсионера. Ладно, проехали», — нервно ухмыльнувшись, подумал Андрей.

Однако на душе было отчего-то погано. Он прислушался к своим ощущениям, но никак не мог понять, что его так тревожило. Это ощущение, когда внутри постоянно пробегал холодок то вверх, то вниз, у него появилось еще в училище и ни разу не подводило; а значило оно, что его, то есть Андрея, поджидают какие-то неприятности. Но что могло случиться? Еще один экипаж ГИБДД? Даже не смешно. Районным и так жилось не столь вольготно, как их коллегам в городе, и при том потоке транспорта, что они имели, стоять на одной дороге двум экипажам попросту нерентабельно. Погода? Тоже мимо: небо было звездным, при полной луне, ни клочка облаков. Хотя для Кавказа это не показатель — все может поменяться в десять минут, а тогда уж можно и застрять.

Ехать в принципе было недалеко: не далее трех километров по трассе вбок отходила грунтовка, которая вела в лес, куда любили выезжать на пикник и городские, и районные. Приметное такое место на берегу небольшой речушки, вьющейся по берегу лесного оврага с вполне приличным для проезда автомобилей проселком.

Не доезжая до этого места примерно с полкилометра, Андрей свернул влево, на давно уже заброшенный проселок, который угадывался только благодаря тому, что в бывшей колее трава была пореже, нежели вокруг. Когда-то эта дорога вела к домику лесника, от которого сейчас не осталось и следа, разве только яма на месте бывшего погребца — собственно, в нее-то он и собирался выгрузить ящики, а затем прикопать сверху.

Насчет того, что их сможет кто-нибудь обнаружить, он не переживал. Была уже поздняя осень, так что даже на пикники люди перестали ездить, а в эту сторону тем паче.

Неизвестно было, с чего все началось, но люди старались избегать этого места с незапамятных времен. Вообще-то объяснить такое предубеждение тоже никто не мог. Ходила молва, что место это нехорошее, но чем оно не нравится, никто бы не ответил. Сказать, что люди здесь пропадали, — так не было этого, гиблым место также не назо-

вещь, ни о каких странных смертях или болезнях, связанных с ним, никто ничего не рассказывал. Но вот еще от пращуров повелось, что место нехорошее, и все тут.

После того как власть взяли Советы, среди народных масс шла сильная агитация и против религии, которая «опиум для народа», и против примет и народных поверий. Так что если и переговаривались об этой полянке, то по-тихому. А там и поколение атеистов подросло.

В пятидесятых на полянке поставили ведомственный домик, принадлежащий новому лесничеству. Но не приживались здесь работники, переводились или увольнялись. Длилось это не один год, пока здесь не поселился один мужичок: пропойца редкостный, за лесным массивом он смотрел, прямо сказать, плохо, но зато штатная единица забита — и ладушки. Лет десять назад он скончался. К тому времени на никому не нужный домишко все уже давно наплевали, и он разваливался.

Место оно, конечно, нехорошее, да кто же откажется от дармовых строительных материалов? Вот и разобрали строение до основания. А после этого в ту сторону никто и не ходил. Незачем стало, да опять же заветы стариков стали вспоминаться и все сильнее приживаться в народе.

Вскоре проселок юркнул в лес, и в свете фар на «дороге» то и дело появлялись молодые деревца подлеска. Препятствием они были никаким, и Андрей с легкостью пропускал их под днищем «шестерки», слыша, как молодые и гибкие ветки скребут по корпусу авто, — посадить царапины на кузов он не боялся, там уже пробу ставить было некуда.

«Блин, накаркал. Ветер-то нешуточный налетел, вон деревья как пригибает. А вот и тучки в просветах замелькали. Может, ну его, выброшу ящики прямо так, и деру...»

Однако, сделав на лице кислое выражение, эту мысль отбросил быстро и бесповоротно. Хотя он и не любил своего бывшего министерства, а от сослуживцев, с которыми не был дружен, попросту абстрагировался, он был именно ментом, а потому все его существо было против того, чтобы практически на виду оставить оружие, которое мог найти любой и использовать как угодно. Для себя он даже решил, что по весне сам же и найдет это оружие и сдаст органам. Того, что его будут сильно трясти, он не боялся, так как знал, что ему ни черта не сделают: чистой воды добровольная выдача, и все тут. Нашел. Как-как, каком кверху. По весне уже никаких следов, которые позволили бы связать его и Артура с этим оружием, не останется.

Наконец лес расступился, открывая взору небольшую, диаметром около пятидесяти метров, поляну. Ветер усилился, и небо быстро затягивали облака, несущиеся, словно подгоняемый волками табун лошадей. Андрей понимал, что у него еще есть с полчаса, а этого времени ему должно было хватить, но только ощущение неминуемой беды все усиливалось.

Вывернув руль, он направил авто к противоположному краю поляны, где в свете фар темным провалом угадывалась яма от бывшего подвала. Он решил доехать до середины поляны и там, остановившись, проверить на надежность дальнейший путь, чтобы как можно ближе подобраться к краю ямы: ящички, что ни говори, были тяжеловаты.

Он уже намеревался остановиться, когда днище машины заскребло по какому-то земляному холму, не иначе кротовой куче, и тут все вокруг озарила голубая вспышка. Андрей успел повернуть голову в сторону бокового окна, стекло которого было опущено, и словно в замедленной съемке увидеть, как к нему приближается ветвистая ломаная голубоватая молния и что главный ствол этой самой молнии направлен ему точно в лоб. Он видел, как одновременно с главным стволом отростки молнии ударили в многострадальную «шестерку». Он даже успел мысленно возопить что-то нецензурное в отношении кавказской погоды, родственников гроз и близких молнии. А потом не осталось ничего. Ни боли, ни света. Ни-че-го.

Глава 2

ДРУГАЯ ПЛАНЕТА?

В голове стоял сплошной гул, словно кто-то от души саданул по медному колоколу и тот отозвался малиновым звоном на одной тональности, никак не желая утихать и продолжая гудеть, до зубной боли проникая в голову и порождая вибрацию, которая вот-вот разорвет череп.

Не открывая глаз, Андрей припомнил, что так хреново ему было только однажды. Он тогда был командиром роты — весьма молодым, надо заметить. Тогда к нему в роту перевели старого и прожженного прапорщика Бдикова Сигиндыка Усингалиевича на должность командира взвода. Каким старый вояка был командиром, Андрей еще не понял, но сразу осознал, что пить этот казах мог часто и помногу.

Как-то, схлестнувшись в очередной раз со своим взводным, Андрей пошел у него на поводу и стал на равных хлестать неразбавленный спирт; и умудрились они на двоих приговорить ровно два литра популярного в начале девяностых спирта «Рояль». Пили вдумчиво и практически всю ночь, а наутро как ни в чем не бывало заявили на службу и приступили к своим обязанностям. Хотя тем, кто общался с ними, приходилось каждый раз бороться с неодолимым желанием закусить. Что и говорить о том, что молодой лейтенант всячески старался не потерять лица, и это ему вполне удалось, но как же ему тогда было хреново... Ну наверное, как сейчас.

Собравшись с силами, он наконец с большим трудом сумел приоткрыть веки и тут же сильно зажмурился от хлынувшего потока сол-

нечного света, породившего новую волну боли. Из груди вырвался страдальческий стон, а затем, вновь потеряв сознание, он завалился на бок.

Когда очнулся, гул в голове несколько поутих, стало немного легче. Он вновь попытался открыть глаза. На этот раз свет не резанул по глазам, но увидеть, кроме мутной пелены, он ничего не сумел. Однако добавилось что-то новое, и это его радовало еще меньше: все тело словно затекло. Состояние было сродни тому, когда руку или ногу хватает судорога, а затем начинает отпускать, причиняя тягучую, ни с чем не сравнимую боль. Вот именно такое ощущение сейчас и охватило Андрея, но только болела не какая-нибудь часть, болело все тело, каждая мышца, каждая жилка, каждая косточка. И тогда он завыл. Завыл на одной ноте, сам страшась своего воя и не в силах остановиться:

— Ы-ы-ы-ы!!!

Наконец его начало отпускать, боль постепенно отступала, а судорога ослабевала, позволяя расслабиться. Пелена с глаз сползла, и он понял, что лежит на боку, завалившись на переднее пассажирское сиденье, упершись головой в обивку двери.

— Су-ука. Твою-у ма-ать. Бо-ольно-о, — роняя на сиденье тягучую слюну и поток слез, сумел простонать он.

Сколько Андрей так пролежал, стена и проклиная все на свете, определить он не взялся бы, но, как говорится, всему есть свой предел. Постепенно боль отступила и стала вполне терпимой. Во всяком случае, каждое движение не причиняло непередаваемой боли. Взяв наконец себя в руки, Андрей сумел подняться и занять вертикальное положение. В глазах на мгновение потемнело, но тут же отпустило. Он попытался пошевелить рукой, и это не причинило особого дискомфорта, он утер рукавом куртки натекшую на подбородок слюну и слезы. Требовалось выйти из машины, так как боль вроде и поутихла, но онемение никуда не делось: необходимо было срочно размяться.

Потянув за ручку, он услышал привычный, характерный щелчок замка, и дверь легко распахнулась от незначительного толчка. Затем, приложив немалые усилия и опираясь обеими руками на дверцу, он сумел извлечь из кабины свое многострадальное тело и буквально повис на распахнутой двери. Было больно, но терпимо — ничего общего с тем, что он испытывал еще совсем недавно. Вместе с тем он почувствовал, что по мышцам бодро заструилась кровь, вызывая уже только легкое покалывание.

Он простоял так, ни о чем не думая и только прислушиваясь к ощущениям своего тела, несколько минут. С каждым толчком крови, отдающимся в висках, он чувствовал, как начинают оживать разные части тела.

Наконец до него дошло, что он уже вполне способен нести свое тело самостоятельно, и даже начал переминыться на месте. Осознав это, он наконец отпустил дверцу и сделал несколько пробных шаг-

ков, двигая руками, плечами, поворачивая и немного наклоняя в стороны, вперед и назад торс, вращая головой, чтобы размять шею.

Примерно через полчаса такой незамысловатой гимнастики Андрей вдруг понял, что тело больше не отзывается болью, куда-то пропала и уже привычная колющая боль в правом колене от начинающегося развиваться ревматизма.

Рука сама собой потянулась, чтобы привычно пригладить волосы. Он провел пятерней по голове и тут же отдернул руку, недоумевающе глядя на нее. На ладони осталось несколько скрученных опаленных волосков.

— Твою мать!

Новак резко крутанул боковое зеркало, едва не вырвав его из гнезда, и посмотрел на свое отражение. Да-а, нечего сказать, хорош. Словно кто-то прошелся паяльной лампой по голове и лицу: не было ни бровей, ни ресниц, ни усов. На месте шевелюры имелись только скрюченные останки. Лишь сейчас он вдруг ощутил резкий запах паленых волос, но, как ни странно, ожогов не наблюдал, только на лбу розовое пятно подживающей раны диаметром не больше трех сантиметров.

И тут он вспомнил все. Себя в машине на лесной поляне, резко ухудшившуюся погоду, начинающуюся и столь нехарактерную для этого времени года грозу, молнию с поразительной, заволаживающей медлительностью приближающуюся к нему и бьющую его в голову. От воспоминаний его бросило сначала в жар, а затем в холод, и он покрылся липким и противным потом.

— Это что же получается, меня шандарахнула молния, да еще и точно в лоб. Да мне ведь кранты должны были прийти. Это же какой разряд!

Нет, он, конечно, видел передачу про тех, кого ударила молния, а одного америкоса так и вовсе была на протяжении жизни несколько раз, тот даже переехал куда-то, где осадков практически не бывает, но его и там ударила очередная молния. Еще там говорилось, что всех, кто пережил удар молнии, та словно чем-то одаривала или вскрывала скрытые резервы организма и инициировала необычные способности. Интересно, Андрей теперь будет экстрасенсом, целителем или провидцем? Ага, шаз! Жив — и то слава богу. Кстати, того америкоса молния ничем так и не одарила. А может, она обиделась на то, что не оказалось у него никаких способностей, и продолжала его долбить, чтобы до чего-нибудь достучаться?

Сам того не замечая, он беседовал сам с собой, очищая с помощью носового платка лицо и голову от сгоревших остатков волос; да-а, видок был тот еще. Критически осмотрев корочку ранки на лбу, он подцепил ее ногтем и слегка потянул, та легко подалась и отслоилась от кожи, не причинив ни боли, ни неудобств, оставив после себя молодую розовую кожу, словно с момента получения ожога прошло никак не меньше недели, а то и двух.

— Да-а. Похоже, молния меня все-таки одарила. Вон как на мне все заживает — пожалуй, вскрылись небывалые регенерационные способности. Ну не могло меня шандарахнуть больше суток назад: вон как крутило, когда в себя пришел, — не имея другой аудитории, продолжал он общаться сам с собой. — Ну что же, это, конечно, не экстрасенсорные способности, но тоже хорошо, вон и колено не болит, а уж с этим я в последнее время и просыпался, и спать ложился.

Ухмыльнувшись, он решил наконец заняться тем, для чего, собственно говоря, и отправился в эту проклятую поездку. И тут он вдруг явно почувствовал, что что-то не так. Да что почувствовал — он явно это видел. Ну нет в их регионе таких лесов, на поляне которого он сейчас стоял. У них росли ясень, дуб, осина — в общем, лиственные леса, а стоял он посреди светлого сосняка, какой видел только в Архызе: стройные сосны и ели возносились на высоту в полтора-два десятка метров. В общем, не было такого леса ближе двухсот километров от города. Потом он обратил внимание на сочный зеленый цвет невысокой, только начавшей рост травы, словно и не октябрь был вовсе, а самый разгар весны.

Несколько минут он стоял совершенно неподвижно, словно окаменел, затем, энергично тряхнув головой, подошел к ближайшей ели и, взяв в руки одну из веток, внимательно осмотрел ее. Так и есть — на концах веток наблюдались молоденькие и еще совсем мягкие иголки. Значит, все же весна. Но ведь этого не может быть.

В растерянности он стал осматриваться вокруг, стараясь найти хоть какое-нибудь объяснение происходящему, но не находил его. Разве только молния телепортировала его куда-то... Но как же быть с весной? А может, в Южное полушарие? А растут ли в Южном полушарии сосны? Бред, конечно же растут. Тогда понятно, почему весна, но как могло его телепортировать? В принципе матушка-природа еще и не такие коленца способна выкидывать, иди объясни их все, ученые вон сколько бьются над изучением природы молнии — и ни черта не объяснили. Ну то есть они выдвигают различные теории и гипотезы, но вот точно утверждать никто ничего не может.

И тут произошло нечто, убедившее его в том, что оказался он если и в Южном полушарии, то уж никак не на Земле. Нет, он, конечно, астрономией никогда не увлекался и из школьного курса помнил только созвездие Малой Медведицы, которую каждый раз с большим трудом находил на небосводе. Но он точно знал, что луна может повстречаться с солнцем только на рассвете, да и то летом, но не посреди дня, а еще он знал, что луна не может выглядеть такой большой. Этот же спутник, выплывающий из-за крон деревьев на вершине горы, был настолько близок, что на его поверхности невооруженным глазом можно было рассмотреть выделяющиеся бледно-серым цветом кратеры.

Это не могло быть правдой. Это какой-то глюк — надо заметить, качественный глюк, с сочными красками и множеством мелких дета-

лей, как смешанный запах зелени и хвои, опьяняюще шибаящий в голову. А еще странный тем фактом, что боль он ощущал довольно реально, — это он понял, саданув сам себя в челюсть.

Осознание того, что он находится не на Земле, повергло его в полную протрацию. Ничего не соображая, он опустился на отдающую, несмотря на теплый солнечный день, стылым холодом землю и так замер, словно истукан. От страха под ложечкой засосало так, что невольно вспомнился случай, когда на него безоружного бросился один отморозок с ножом. Тогда Андрей сам себя уже похоронил и за те мгновения, пока парень приближался к нему, успел вспомнить всю свою недолгую жизнь; а много ли вспоминать, когда тебе едва исполнилось двадцать пять? Как выяснилось, много. Но он-то испугался, а тело сработало на автомате, и нож, выбитый ногой, отлетел далеко в сторону, а тогда уже пришел черед ярости. Его едва оттянули от уже не подающего признаки жизни буяна. Благо пронесло — сломанная рука и челюсть не в счет: паренек, протрезвев, даже и мысли не допускал о заявлении на избившего его. Андрей решил тоже не усугублять, а потому тот случай замялся сам собой. Вот тогда у него сосало под ложечкой так, что едва не вывернуло наизнанку. Нынешние ощущения были один в один с теми.

Просидел он в таком состоянии довольно долго, сколько именно — не взялся бы определить, но не меньше нескольких часов. В себя же его привело просто-таки громогласное урчание в животе, да и под ложечкой засосало с такой силой, что его попросту затрясло. Земля это или нет, но организм недвусмысленно требовал пищи, и немедленно.

— Вот еще беда. Где же взять пожрать-то? — опять начал он рассуждать вслух. — На землю обетованную эти места не похожи, и булки на деревьях не растут.

Он наконец стал осматриваться более внимательно. Поляна была овальной формы, довольно большой — примерно двести на сто метров — и находилась на склоне какой-то горы, который плавно понижался к северу. На юге он постепенно становился все круче, и деревья забирались выше и достигали вершины горы, а вернее, цепи вершин, проходящих, насколько видел Андрей, с востока на запад, а если точнее, то гряда имела форму подковы с открытой стороной в южном направлении. Откуда он знал, где какие стороны света? А по мху на деревьях определил. Откуда он это так хорошо помнил, что на автомате сумел сразу же сориентироваться? А черт его знает, знал — и все тут. С горы вилась небольшая бурная речушка, но неподалеку от того места, где был Андрей, русло раздавалось вширь, и речушка мелела окончательно, замедляя свой бег, весело журча по гальке отмели между разбросанными валунами. К концу поляны русло вновь сужалось и терялось среди деревьев, где, как было видно, начиналось небольшое ущелье. Рассмотреть точнее сейчас не представлялось возможным из-за лесных великанов.

Итак, первичный осмотр был проведен, но это ни на миллиметр не приблизило Андрея к решению задачи по восполнению израсходованных калорий. И тут, весело улыбнувшись, Андрей подскочил к багажнику и сноровисто откинул крышку. Ну конечно, куда же они могли подеваться — да никуда, если машина тут. На него весело глянули два мешка с картошкой, которую он так и не довез до сестры.

Он быстро набрал сушняка и развел костер, при этом порадовавшись тому, что, как ни настаивала его жена, он бросить курить так пока и не собрался. Вот и ладно, не то пришлось бы морщить лоб в решении задачи по добыче огня. Когда костер прогорел, Андрей закинул в кучу горячих углей несколько картошин, выбирая не особенно крупные, чтобы пропеклись побыстрее.

Наконец голод был утолен. Правда, напрягало отсутствие соли, ну да нельзя получить все и сразу. Оно конечно, не так вкусно и совсем непривычно, но зато брюхо набито вполне основательно, и он буквально ощущал, как изголодавшийся желудок набросился на столь желанную пищу.

Теперь пришла пора переходить к другой проблеме, а именно — к проблеме выживания. Кто населяет эту планету — непонятно, но вот в том, что здесь найдутся те, кто захочет ему сделать больно, он не сомневался. А значит, нужно озаботиться своей безопасностью. Он мысленно возблагодарил Господа за то, что если все это и произошло с ним, то по крайней мере произошло именно сейчас, а не в какое-либо другое время. Так как по меньшей мере вопрос насчет вооружения перед ним не стоял. Оружие у него было, и, судя по весу проклятых ящичков, было его в избытке.

Несмотря на то что с Артуром им пришлось изрядно поднапрячься, прежде чем они загрузили эти ящики, с разгрузкой Андрей справился довольно споро — попросту выволок их из салона, ничуть не заботясь о том, что посадил несколько царапин на корпус и немного помял дверь. Глупо переживать по этому поводу в такой-то ситуации.

Расположив ящики на траве друг рядом с другом, он вскрыл первый. Под крышкой обнаружили большие черные полимерные мешки для мусора, в которые что-то было уложено, видимо, чтобы предохранить от возможного проникновения влаги. Первым желанием было разорвать мешки и быстро взглянуть на содержимое, но Андрей вовремя остановился: он был не в том положении, чтобы чем-либо разбрасываться, — взять что-то ему теперь неоткуда, а потому ничего не случится, если он немного повозится и развяжет капроновую веревку на горловине мешка, тем более что она предусмотрительно была завязана бантиком. Вот и ладно.

Вытащив все на свет божий, Андрей осмотрел первую часть трофеев. Впечатляет, и весьма. В ящике находились два бронезилета — судя по их виду, в ящик они попали еще вполне новыми, и все титановые пластины наличествовали в отведенных для них карманах, что

радовало. Работая в милиции, он часто сталкивался с этим типом броников, но только они — то есть служители закона — постоянно халтурили, вынимая эти самые пластины, преследуя простую и незамысловатую цель — облегчить бронежилеты, чтобы не таскать на себе лишнюю тяжесть. Но здесь ситуация была совсем другой, и он предпочтет потерпеть эту самую тяжесть, мало ли.

Также там наличествовали шесть цинков с патронами к автомату Калашникова калибра 7,62 миллиметра, два цинка с патронами к пистолету «макаров», десять гранат РГД-5 и двадцать гранат Ф-1 с запалами к ним.

Один из цинков его заинтересовал особо. Маркировка на нем была какая-то необычная. Немного поморщив лоб, он вдруг вспомнил, как на занятиях по огневой преподаватель рассказывал им о дозвуковых патронах. Так вот, маркировочка была один в один, как говорил подполковник Моторин. К чему бы это?

«Да-а. Ребятки-то не мелочились. Прямо как на войну упаковались. Так, а что у нас со стволами? Здесь их нет. Посмотрим в другом ящике».

Он быстро вскрыл второй ящик, постоянно прогоняя мысль о том, что и в этом ящике могут оказаться только снаряжение и боеприпасы, а тогда от этого арсенала толку — что от козла молока; хотя можно использовать гранаты, но на одних гранатах далеко не уедешь.

Но едва крышка ящика была откинута, как от сердца тут же отлегло. Внутри находились все те же полимерные мешки для мусора, но в каждый мешок по отдельности были упакованы продолговатые предметы, суть которых была ясна и так, по конфигурации. Там явно находились искомые стволы, вот только соответствует ли калибр? Арсенал-то принадлежит не вояке, мало того — про Артурова шефа он точно знал, что тот в армии никогда не служил, а потому сдуру мог и патроны приобрести не того калибра. Эта мысль постоянно преследовала его, пока он не развязал наконец шнур на горловине и не извлек на свет божий старый добрый АКМ, густо покрытый смазкой.

Сноровисто откинув крышку ствольной коробки и отсоединив пружину возвратного механизма, он извлек затворную раму и критически осмотрел затвор, затем взглянул на ударно-спусковой механизм и только после этого вздохнул с облегчением.

На первый взгляд все было в полном порядке. Конечно, местами проявились следы начинающейся ржавчины, но это не играло принципиальной роли. Автомат был в отличном состоянии, и, судя по всему, на нем и муха не сидела: выглядел он новеньким, не иначе как бывший шеф Артура приобрел его на складе НЗ, а не в какой-нибудь части.

Человек с оружием в руках чувствует себя куда более защищенным. Поэтому Андрей, еще не отдавая себе отчета, быстро извлек, не распаковывая, еще несколько подобных свертков и, найдя мешок, в

котором безошибочно угадывались магазины, взял один из них и, вскрыв цинк с патронами, быстро снарядил его. Затем вставил его в наскоро обтертый от смазки автомат и с греющим душу лязгом перевернул затвор. Все, теперь он вооружен. Едва осознав это, он понял, насколько боится, находясь один в неизвестном месте. Нет, страх не пропал бесследно, он еще владел им и не отпускал до конца, но того всеобъемлющего ужаса, которого он все это время старался не замечать, уже не было.

Немного успокоившись и держа заряженное оружие под рукой, он начал осматривать остальные трофеи, доставшиеся ему по воле случая. Каждая находка его несколько вдохновляла и в то же время повергала в безмерное удивление. Нет, шеф Артура явно собирался участвовать в боевых действиях — или, когда подворачивался случай, не мог удержаться и покупал все, что ему предлагали. Впрочем, надо отдать ему должное — хапал он вовсе не без разбору.

В наличии оказались еще два АКМ, один АКМС, один РПК, ко всем стволам наличествовало по четыре магазина и подсумки к ним, к РПК, к радости Андрея, имелись четыре барабанных магазина емкостью по семьдесят пять патронов. Один СКС — самозарядный карабин Симонова, гражданский образец без штыка, но зато с куда более удобным ложем, с оптикой, ну очень серьезной для этого оружия — аж десятикратной, четырьмя зарядными планками и подсумком под них. Два пистолета «макаров» с четырьмя магазинами и один «стечкин» с тремя магазинами к нему, а также кобуры к ним, все три оперативки. Еще там находились два охотничьих ножа и, подумать только, самая настоящая казачья шашка.

Мелькнула было озорная мысль немного поиграть с клинком, вспомнилось детство и дед по линии матери. Мелькнула и пропала. Не до игрушек. Тяжко вздохнув, он отложил клинок в сторону.

На одном из ПМ Андрей заострил свое внимание особо, так как у того ствол выглядывал из затворной рамы и имел мелкую резьбу. Такое встречалось на пистолетах, которые предназначались для стрельбы с глушителем. Покопавшись немного, он нашел целых два, причем если один из них подходил к «макарову», то второй, судя по всему, предназначался явно для СКС, да и к автоматам вполне подходил.

«Чудненько: покойный явно рассчитывал в случае чего не погнущаться и киллерством из-за угла. Вот и причина наличия дозвуковых патронов обнаружилась. А что это дает нам? А то, что без охоты не обойтись, но не шуметь же на самом-то деле на всю округу, мало ли кто может услышать, а кто тут водится — неизвестно, может, каннибалы. Нет, вещичка вполне подходящая и полезная».

Быстро протерев карабин от лишней смазки, он зарядил его, навинтил глушитель и прикрепил оптику. Делая это, он немало удивился, так как СКС он в своей жизни держал в руках только один раз — ради интереса снимал оптику и вновь прилаживал ее обратно, — тог-

да же владелец карабина, бригадир трактористов, увлеченно рассказывал ему о том, как нужно пользоваться прицелом, как пристреливать карабин и тому подобное. В тот раз он сделал несколько выстрелов, правда, патроны скупердяю Фомину пришлось возвращать сторицей... Андрей и не подозревал, что у него такая хорошая память.

Впрочем, оптику тоже нужно было проверить — мало ли, окажется непристрелянной. Изготовив оружие к бою, он огляделся в поисках достойной цели, а затем, не став сильно заморачиваться, осмотрел сквозь оптику берег речушки, до которого было около ста метров, и, найдя подходящий приметный валун, подвел под одну из выбоин птичку и нажал на спуск. Приклад вполне знакомо толкнул в плечо, хлопок выстрела хотя и был погромче, чем рассчитывал Андрей, но оказался не громче лязганья затвора. Когда после отдачи оптика вновь вернулась на линию прицеливания, Андрей обнаружил, что выбоина на валуне несколько увеличилась, белея свежим сколом.

Что же, предыдущий владелец карабина явно не пожалел ни сил, ни времени, чтобы привести оружие к нормальному бою, и это радовало. Не в положении Андрея было разбрасываться невосполнимыми, в прямом смысле этого слова, боеприпасами.

В это время из леса на дальний край поляны вышли три косули. Самец с ветвистыми рогами, самка с аккуратными рожками и их теленок. В первое мгновение он даже испугался так, что под ложечкой возник противный пульсирующий холодок, но потом при виде этой ходячей мясной лавки Андрей чуть не подавился слюной.

Недолго думая, он быстро вскинул карабин и тут же поймал в прицел самца. Однако выброс адреналина был довольно высок, и руки его дрожали, заставляя ходуном ходить оптику, отчего он никак не мог уверенно взять прицел.

Наконец он опустил карабин, несколько раз глубоко вздохнул и вновь припал к прицелу. Это время дало ему возможность трезво взглянуть на возникший вопрос. Взрослые особи ему были явно не нужны. Ну что он будет делать с таким количеством мяса? Соли нет. Коптить мясо он не умеет, а так просто перевести продукт — это глупо. Поэтому он поймал в прицел теленка, и на этот раз маркер прицела не выписывал вензелей. Андрей плавно потянул спусковой крючок, и когда после выстрела он обозрел свою добычу, то увидел лежащего на траве и сучащего ногами теленка, улетающего во все лопатки самца и самку, устремившуюся сначала следом. Затем она остановилась, неуверенно сделала шаг к детенышу, но, заметив поднимающегося на ноги человека, все же припустила за своим спутником.

— Вот же блин. Напугали до последней стадии развития. Ну да ладно, я не в обиде. Тем более что никто этого не видел. — Подбадривая себя, он доснарядил в магазин недостающие два патрона, после чего направился к своей добыче, которая уже перестала биться и спокойно поджидала его. — Кстати, весьма хреново, должен вам заме-

тить, что этого никто не видел. Честно признаться, я сейчас был бы рад любым насмешкам и издевательствам, — продолжал он разговаривать сам с собой.

На то, чтобы принести телянку к стоянке и разделать, у него ушло не больше получаса. В свое время, в бытность сельским участковым, ему довелось разделать не одного барана, отличий в принципе никаких, так что дело спорилось.

Голод еще не заявлял о себе в полную силу, и потому он решил не издеваться над своим желудком, жаря мясо на костре. Как оно еще сложится, было неизвестно, а потому, если есть возможность, питаться нужно было стараться правильно.

Поэтому он спустился к речке и постарался отмыть вскрытый цинк из-под патронов, так как другой посуды все равно у него не было. Он выбрал на отмели затончик, образованный валуном причудливой формы, словно ковш: вода втекала в него через низкий край и затем, огибая выступающий наружу другой край валуна, продолжала свое течение. На его дне как раз скопилось достаточное количество песка, а за неимением другого он как нельзя лучше подойдет для предстоящей операции.

Неладное он заподозрил, едва коснувшись рукой этого самого песка. Едва его пальцы погрузились в песчинки, как он замер. Что именно его насторожило, Андрей в первую минуту не понял. Быстро отдернув руку, он перехватил карабин, с которым не расставался, и затравленно огляделся. Что его напугало, он сначала не осознал, затем, немного подумав, решил, что это была какая-то необычность, что-то несвойственное происходящему, но что?

Его глаза сами собой опустились к чаше, в которой он попытался зачерпнуть песок.

— Ну и что, песок как песок, — вновь заговорил он сам с собой. — Золотой такой песочек. Стоп, а почему золотой? А почему нет мути? Нет, я, конечно, понимаю — водичка проточная, но муть не могло так быстро вымыть.

Он опять опустился на колени и, опустив руку, зачерпнул полную жменю песка. На этот раз вода замутилась, но самую малость, а вот тяжесть песка и ближайшее его рассмотрение сказали Андрею очень многое.

Старателем он никогда не был, но много чего слышал от знакомых деревенских мужиков, которые работали на магаданских приисках по вахте. Там-то здорово не разгуляешься, только за запах перегара можно было легко вылететь без выходного пособия, поэтому после двухмесячного воздержания они целый месяц отводили душу, не вылезая из запоя больше чем на пару суток. Мужики в принципе не безбашенные и не буйные, нормальные мужики, которым пришлось искать работу у черта на куличках, чтобы содержать семьи, поэтому посидеть с ними Андрей не считал для себя зазорным.

Так вот, как говорится в одной старой поговорке: «На работе — о бабах, с бабами — о работе», — так получалось и с ними. Как только сто пятьдесят падало на грудь, тут же начинались разговоры только о работе на прииске, а так как, бывало, ребята работали на разных приисках, то начинался детальный разбор способов добычи золота и получения конечного продукта.

В общем-то он всегда слушал эти разговоры, уже будучи, скажем так, слегка не в себе, да и особо не прислушивался, а сам в беседу старался не лезть, так как тогда его снесло бы на его ментовскую стезю — что делать, у каждого свое занятие, а значит, и большие темы свои.

Но, как выяснилось, все эти разговоры довольно основательно отложились в его голове, если он быстро сообразил, что у него в руке самый что ни на есть настоящий золотой песок, вернее, шлик, но, судя по всему, содержание в нем золота было весьма велико. Андрей размял песок в руке и в этой массе нашел четыре тускло сверкнувших самородка, самый большой из которых был с лесной орех. Осмотревшись, он заметил еще несколько заводей и валунов, с помощью которых матушка-природа устроила самую настоящую промывочную колоду.

Он почему-то был уверен, что обследуй он остальные подобные заводи — и найдет там такую же картину, но проверять этого не стал, на нем были еще довольно крепкие армейские берцы, а не резиновые сапоги, так что рисковать не стоило. К чему? Сейчас это золото ему было нужно меньше всего, а заработать простуду было весьма реально.

— «Сбылась мечта идиота: ну вот я и миллионер», — почему-то вспомнились слова Остапа Бендера из «Золотого тельца».

Сдвинувшись немного вдоль берега и найдя нормальный песок, он быстро оттер, насколько это было возможным, свою посуду и, набрав в нее воды, пошел к уже прогоревшему костру. Угли прогорели не все, поэтому огонь он развел довольно sporo и водрузил над ним на уложенные рядом два камня цинк, чтобы прокипятить его.

Пока вода закипала, он решил заняться своим арсеналом. Все оружие ему было без надобности, поэтому, оставив АКМС, СКС, «макаров» с резьбой под глушитель и «стечкин», остальное он опять упаковал в мешки, как было, и уложил в ящик. Из ножей оставил только один, а вопрос о том, что делать с шашкой, и вовсе не обсуждался: она также отправилась на прежнее место. Из боеприпасов он оставил цинк патронов к АК и половину цинка патронов к ПМ. Кстати, патроны к пистолетам его удивили, так как были не привычной конструкции со стальным сердечником, а старой модификации, уже снятой с производства, со свинцовым сердечником, пуля была несколько тяжелее, и пробивная способность у нее была повыше. Вероятно, патроны Волков добыл на том же складе НЗ, иначе объяснить наличие этих патронов Андрей просто не мог. Также он отложил четыре Ф-1 и столько же РГД-5 с запалами к ним.

Проведя таким образом ревизию, он приступил к доведению оставшегося вооружения до нормальной кондиции. Оттер от лишней смазки и почистил его. Так как масленки нашлись там, где им и положено быть, в подсумках к магазинам, но были пусты, то он воспользовался вместо ружейного масла моторным. В этом преимущество старых авто: когда двигатель начинает есть масло, то любой уважающий себя автомобилист возит с собой не меньше литра масла на долив. Андрей возил два. Себя-то он уважал, но уважить двигатель ремонтом было для него дороговато, а так как движок еще терпел, то ремонт откладывался на неопределенное будущее.

Так, в заботах по приготовлению пищи, по приведению в порядок своего арсенала, прошло время. Солнце уже клонилось к закату, когда он начал хлебать получившуюся мясную похлебку, приправленную несколькими картошинами. Вареву — оно конечно, получилось вполне на уровне, но только сильно сказывалось отсутствие соли. Ну да на безрыбье и рак рыба.

Облизав ложку, благо таковая нашлась в инструментальном ящике (что она там делала, Андрей так и не понял — возможно, младшенькая, как всегда руководствуясь только ей понятной логикой, определила ее в это место), он откинулся спиной на переднее колесо, после чего со вкусом закурил, отметив про себя, что сигарет осталось только полпачки.

— Ну что, дружище. Сколько раз тебе говорила жена, чтобы бросил курить? Тяжко было, соблазнов много, ну да здесь не соблазнишься. Нету здесь сигарет, и, судя по климату, табачку тоже нема.

Про семью он вспомнил совсем напрасно. Под ложечкой засосало, но не так, как бывало при выбросе адреналина от пережитого страха, а как-то тоскливо, отчего его даже стало подташнивать. Он всегда считал себя мужчиной — да, он был трусоват, но каждый раз находил в себе силы переступить этот страх, — но сейчас Андрей заплакал. Нет, он не ронял молча скупую слезу, он именно плакал. Плакал навзрыд, выворачивая наизнанку душу. Куда он попал и за что ему все это?

Да, он заметил за сегодняшний день, что ни одна из его болячек, которые для него были уже давно привычны — он просто забыл время, когда бы у него что-нибудь не болело, — не потревожила его. Питался он за сегодняшний день, скажем так, не самым лучшим образом, но привычная изжога не пришла, и мало того, не было уже привычного расстройства желудка. Не иначе как молния каким-то причудливым образом исцелила его организм и усилила регенерационные способности. Но зачем ему это здесь?

Все его родные, все то, что он любил, смысл его жизни и то единственное, что останется после него — его любимые дочки, — были там, на далекой и недоступной Земле, а он был здесь. Где? И сам-то он не знал. Поэтому он плакал, не стесняясь даже самого себя, смывая потоком слез все то, что наболело за сегодняшний день. И как ни стран-

но, ему полегчало — не сразу, а как минимум через полчаса, — но полегчало. Жалость к самому себе ушла куда-то, оставив после себя спасительную пустоту.

Утерев в последний раз глаза и в последний раз всхлипнув, он осмотрелся вокруг. Солнце (а солнце ли?) уже скрылось за вершинами гор, дневной спутник также приближался к очерченному горой горизонту, но теперь он стал ярче, отражая солнечные лучи на фоне уже потемневшего небосвода и сам одаривая землю своим бледным светом.

Андрей внимательно посмотрел на появившиеся мигающие звезды и грустно улыбнулся. Нет, он не любил астрономии и, мало того, регулярно пропускал занятия и никогда не учил задаваемого материала, а оценку в аттестат заработал тем, что сумел оказать услугу физики, который и вел у них этот предмет и также считал его абсолютно бесполезным для дальнейшей жизни, — так, для общего развития, не больше.

Но Андрей сотни, тысячи раз в своей жизни смотрел на звездное небо (а кто не смотрел?) и сейчас четко осознавал, что эти звезды не могут быть звездами, которые он знал. Вернее, звезды-то, возможно, были теми же, но нигде он не видел, чтобы они сложились, хотя бы отдаленно, в знакомые созвездия. Откуда он это знал? Ведь он с большим трудом мог найти только созвездие Малой Медведицы. А вот знал, и все тут. Он не просто знал — он помнил расположение всех звезд, которые видел. Откуда? Это вопрос. Возможно, молния всколыхнула не только иммунную систему, но и мозг.

Ученые утверждают, что человек не в состоянии забыть что-либо, что он увидел или услышал, просто эта информация уходит на задворки памяти, но она записана в мозгу почище чем на жестком диске компьютера. Человек же обходится лишь самой малой долей своей памяти, даже те, кто систематически занимается зарядкой для мозгов, и даже гении используют лишь малую часть от возможностей мозга.

Начало холодать, и Андрей зябко повел плечами. По случаю предстоящего мероприятия по погребению арсенала он не одевался тепло, да и октябрь выдался довольно теплым. На нем был надет армейский камуфляж, армейские же ботинки и бушлат без подстежки и воротника. А в горах с уходом солнца холодало довольно сильно и летом, что уж говорить о весне.

Он попытался запустить двигатель, чтобы прогреть салон, но это был дохлый номер. Приборная панель даже не откликнулась хотя бы слабым свечением — вероятно, молния напрочь вывела из строя аккумулятор.

Разложив сиденья, Андрей закутался в старое одеяло, которым Артур накрывал ящики, и, положив поблизости оружие, лег спать. Как ни странно, сон пришел сразу же. Вот только снов Андрей не видел.

• Степь •

Глава 1

НЕОЖИДАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Зима. В это время года жизнь практически замирала. Крестьяне готовились к новому сезону сельхозработ, и потому времени на отдых у них было предостаточно. Ремесленники также имели возможности для отдыха. Торговцы могли рассчитывать на прибыль только в дни ярмарок, все остальное время торговля шла ни шатко ни валко. Из дальних маркграфств или других королевств товар купцы переправляли по водному пути, а реки в это время года здесь замерзали напрочь.

Андрея все еще удивляло то, что местные жители никак не задействовали самую крупную водную артерию, Яну. Французы, пользуясь небольшими реками и устраивая волоки на наиболее узких местах между ними, доставляли свой товар в Англию по реке Быстрой. Германцы для этого использовали в основном реку Светлую, приток Одера, отделяющего Германские княжества от степи, потом волоком и с помощью небольших речушек переправлялись в реку Темную, а оттуда уже двигались в английские земли. Практически вся торговля так или иначе была связана с Лондоном. Здесь находился Папа, наместник Господа в Царстве Небесном, как без всякой иронии местные именовали земли, подвластные людям. Весьма скромная резиденция Папы находилась рядом, но несколько в стороне от столицы англичан, потому основная масса паломников находила для себя пристанище именно в Лондоне, так как вблизи от резиденции остановиться не было никакой возможности. Так что Лондон был практически торговой столицей этого мира.

Конечно, несмотря на все трудности с волоком, торговля по реке была гораздо прибыльнее и быстрее торговли сухим путем, ибо груженые повозки двигались едва ли не со скоростью пешехода, да и грузов на речные суда, несмотря на их неказистость, помещалось гораздо больше. Однако насколько можно было бы ее ускорить и упростить, если бы использовать Яну, не говоря уже о том, что суда можно было бы делать и побольше, так как отпала бы необходимость переправы их посуху. Все реки в этом регионе так или иначе впадали в Яну, а по-

тому спуститься до нее, а затем подняться по другой реке было бы гораздо проще, да и быстрее, а значит, и расходы на путешествие значительно сокращались. Но огромная река никак не эксплуатировалась, так как на ее просторах стать добычей проклятых орков было гораздо вероятнее, чем получить какую-либо прибыль.

В селе Новак, как окрестили его сами жители, жизнь и не думала замирать. Да, руда не доставлялась, лед сковал реки и застопорил водяные колеса, казалось бы, поставив крест на производстве, но Андрей и не думал останавливаться. Сила воды была заменена силой быков, пущенных по кругу и заставляющих крутиться валы.

Металла было приготовлено предостаточно, поэтому волочильня продолжала свою работу, готовя многие километры проволоки, которую скупал приказчик Эндрю Роберт. Купец решил, что молодой человек вполне справится и с делами Андрея, и с лавкой самого Эндрю, расположенной в селе, — и в общем он не ошибся, работоспособности и предприимчивости парня можно было только позавидовать. Ввиду отсутствия водного пути он хранил всю продукцию на складах, отправляя лишь малую часть по санному. А закупать у предприимчивых селян было что и кроме проволоки, которая, наряду с наконечниками, стала главной составляющей экспорта, обойдя даже арбалеты.

Производство инструмента не давало больших прибылей, так как инструмент — товар весьма специфический, из-за дороговизны металла нужда в нем возникала лишь у мастеров, во многих семьях обходились только одним топором и одним ножом — что уж говорить о том, чтобы иметь в хозяйстве ту же дрель. Точильные станки были несложны в изготовлении, и они уже всюду производились другими кузнецами, так что этот товар отработал свое, поиметь большую прибыль с него было уже нельзя.

Так вот и вышло, что к основным товарам, производимым на экспорт, добавились посуда, игрушки (обычные матрешки), подсвечники и мебель, которые изготавливали в зимнее время жители села, используя токарные станки с ножным приводом. Мебель должна была раскупаться на ура дворянством, ее Эндрю планировал начать распространять с Лондона, так как не следовало наживать неприятностей — все самое лучшее должно было появляться сначала в столице, а лучше было начинать с короля, спокойнее так. Посуда же предназначалась для простолюдинов — дешевая и легкодоступная, она бы составила достойную конкуренцию керамике, но ее опять-таки должно было быть много, а значит, проще было доставлять ее именно водным путем.

Началось же все с того, что, помирившись с женой или, если точнее сказать, обретя ее, Андрей разработал токарный станок и сам начал изготавливать с его помощью мебель для любимой супруги. Сначала был стол с резными ножками, потом стулья, потом кровать, потом набор посуды из дерева, красиво расписанной и покрытой лаком,

потом он изготовил несколько подсвечников. После того как стало известно, что супруга в положении, на радостях он смастерил несколько матрешек, вкладывающихся друг в друга.

Потом это все увидел Эндрю и впал в ступор. Предприимчивая натура купца не позволила ему не усмотреть во всем этом выгоды, так как изделия из металла — это, конечно, хорошо, но то, что можно было получить с изделий из дерева, было ничуть не хуже. В общем, очень скоро то, что Андрей сделал для души, было поставлено его деятельным другом на поток. Вернее, торговец, как всегда, наскипидарил Новака, а тому уже пришлось думать над тем, как поставить это дело на поток. Пока стояла зима, в устроенной мастерской работали жители села, а женская половина занималась росписью, но по весне Эндрю обязался организовать прибытие наемных сезонных рабочих.

— Да что ты так вцепился в эти плоски и мебель? Ну, получим мы первую прибыль, а потом все опять вернется на круги своя. Вот те же арбалеты — цена на них значительно упала после того, как их научились делать другие мастера.

— Это так. Но проволока-то продолжает пользоваться спросом, да и арбалеты твои прибыль приносят немалую, а все почему?

— Ну и почему?

— Да потому что во многих местах делают проволоку, и многие сумели повторить изготовление арбалетов, но никто не может делать этого в таких количествах, как ты. Кузнецам, получилось, и вовсе проще покупать проволоку у меня, чем терять время на ее изготовление самим. Арбалеты их, если пустить по той же цене, что и твои, — они не приносят прибыли, а потому у них они подороже будут, и опять наш товар спросом пользуется. Ну если его под рукой нет, то тогда покупают у местных умельцев, — назидательным тоном говорил купец. — А эти твои вещи и вовсе никто не сможет сделать, так как никто не знает, как их делать, ну не знают они, как изготовить такой станок, а без него нечего и начинать.

— Ты думаешь?

— Я знаю. Конечно, посуду из дерева делали и раньше, но только она не имеет ничего общего с твоей, мы очень хорошо на этом зарабатываем.

Так вот и вышло, что пробные партии, будучи доставленными в Йорк, разлетелись как горячие пирожки, а остальное накапливалось на складах, скупаемое у первой в этом мире мануфактуры приказчиком Эндрю.

Точнее, мануфактур получалось уже целых три. На одной было налажено изготовление столярных изделий, на другой собирались арбалеты, на третьей тянули проволоку и штамповали наконечники. Все это было поставлено на поток и стало основными статьями дохода Андрея, ну и всех жителей села — в зимнее время, во всяком слу-

чае; весной их должны были сменить наемные рабочие, а в том, что Эндрю сумеет их предоставить, Новак не сомневался.

Андрей вышел на крыльцо и, сладко потянувшись, встряхнулся подобно собаке, вынырнувшей из воды. Что и говорить — тело, привыкшее к большим нагрузкам, изрядно отдохнув за ночь, требовало физических упражнений. Пока были в разгаре работы по изготовлению винтовки, он часто ложился далеко за полночь, иной раз приходилось по несколько дней ломать голову над решением той или иной задачи. Ну не был он инженером-механиком и вообще с механикой был дружен постольку-поскольку, спасибо веселому детству: будучи подростком, он был вынужден сам придумывать себе игрушки, собирать велосипед из явного металлолома, и все в том же духе — жили они небогато. Тем обиднее было, когда решение оказывалось очень простым и лежало прямо на поверхности. Но все это сильно изматывало, и он не чувствовал жгучего желания что-нибудь сделать, чтобы сбросить избыток энергии. Правда, после того как они с Анной пришли к взаимному пониманию, вопрос с избытком энергии решался весьма радикально, и Андрей не мог сказать, что такая трата сил ему неприятна. Но сейчас Анна была уже на пятом месяце, беременность у нее протекала не так гладко — все же поздновато она понесла первенца, — не могло это не аукнуться даже на здоровом организме не избалованной цивилизацией девушки, так что о таких нагрузках до поры пришлось забыть.

Мысль об Анне и их будущем малыше вдруг напомнила ему о жене и детях, оставшихся там, в другом мире, или на другой планете. Так уж сложилось, что вечерний звонок брата, попросившего о помощи, перевернул всю его жизнь, поставил с ног на голову — и, как результат, оказался билетом в неизвестный мир, или на другую планету, этого Андрей так и не понял.

Случилось это около года назад. Двоюродный брат Андрея Артур позвонил и попросил помочь ему избавиться от зарытого у него на подворье арсенала, оставшегося еще с лихих девяностых. Так уж вышло, что сам брат поехать с ним не смог, и Новаку пришлось избавляться от оружия в одиночку. А дальше как в той присказке: «По дороге с ним случилось несчастье...» Впрочем, несчастье ли?

В результате удара молнии бывший милиционер, а ныне пенсионер МВД получил небывалые возможности в регенерации, абсолютную память и... перенесся в другой мир. В мир, где царил Средневековье, а его жителями оказались потомки выходцев из Иерусалима, что на матушке-Земле. Так уж вышло, что после падения Царства Небесного часть из жителей при помощи священника падре Иоанна оказалась здесь и основала новое Царство Небесное — на земле обетованной, ниспосланной Господом нашим.

Однако благолепие длилось недолго. Люди есть люди, и им трудно избавиться от пороков. Начались взаимные претензии, разделения

по национальному признаку — и наконец они разделились, образовав три государства, беспрестанно враждующие между собой. В наказание за грехи Господь отвернулся от чад своих и не стал противиться сатане, наславшему на них свое порождение — орков.

С тех пор минуло восемьсот тринадцать лет, и по местному календарю шел двухтысячный год от Рождества Христова. Но время здесь словно застыло, остановив людей на уровне Средневековья как в общественном укладе, так и в технологическом. Именно в это время Андрей Новак и появился здесь. Несмотря на то что с ним приключилось несчастье, в остальном ему безгранично везло. В первые же дни ему посчастливилось спасти несколько человек, среди которых оказался купец Эндрю, ставший его другом и единственным, кто узнал о нем всю правду.

Мир этот оказался не столь уж и приветливым. Здесь вовсю свирепствовала инквизиция. Несмотря на то что люди разделились на три государства — Англию, Германию и Францию, — церковь осталась вне государств, но не вне политики, являясь черным кардиналом и имея реальную всеобъемлющую власть. Были здесь и орки, с удовольствием пожирающие человеческое мясо и почитающие его деликатесом.

Опасный, неприветливый мир. Но Андрею нравилась его нынешняя жизнь, ничто его не тянуло и не манило обратно, разве только переправить сюда кое-что оттуда, на худой конец, просто информацию, благо для этого не нужно было никаких компьютеров или книг. Ему сейчас не нужно было даже ничего читать — просто достаточно взглянуть на страницу, а потом воспроизвести ее по памяти. Но вот семья... Семьи ему не хватало. Он искренне полюбил Анну, но он также любил и свою первую супругу и дочерей и, несмотря на все приключения, никак не мог их забыть — впрочем, он и не пытался этого делать. Конечно, он не возвращался каждый раз к мыслям о них подобно мазохисту, но и не гнал их, когда они возникали у него в голове. Вот и сейчас он замер на крыльце, глядя вдоль заснеженной улицы и предаваясь воспоминаниям.

— Живее! Живее! С каких это пор зима стала причиной для того, чтобы отлынивать от тренировок?! Рон, чего ты телишься? Опять с завтраком перебрал?

— Так, господин десятник, баба же. Если не поешь, сразу дуется: «а где это тебя кормят» или «тебе не нравится, как я готовлю».

В ответ на эту реплику раздался дружный гогот двух с половиной десятков бойцов Андреевой дружины. Каждое утро подобное замечание доставалось кому-либо из бойцов или сразу нескольким, в зависимости от их расторопности и настроения Джефа. Сегодня была очередь Рона, которого в свое время Андрей взял в плен на дороге, перед этим ранив из автомата. Этот ветеран всячески подначивал же-

натых дружинников, но, как говорится, не миновала чаша сия и его самого — пару месяцев назад он также женился.

Слушая, как десятник наезжает на личный состав и как те пытаются оправдываться, Андрей добродушно улыбнулся. Сегодня в его войске не было ни одного холостого воина, все обзавелись женами, а бывший каменотес так и вовсе всех удивил, каким-то образом умудрившись охмурить миниатюрную Элли. Кстати, судя по имеющимся сведениям, она уже понесла. Давняя мечта добродушного гиганта о доме, полном ребятней, начала осуществляться: ведь главное — сделать первый шаг.

Казарма сейчас пустовала, но в ней всегда топилась печь и находился дежурный, который одновременно командовал и караулом из четырех человек, посменно несших службу на двух наблюдательных вышках.

Чтобы парни не расслаблялись, охотничья команда Жана время от времени совершала на село «налеты». Андрей поначалу противился этому, так как парни могли запросто вогнать болт в излишне ретивых охотников, но старшина охотничьей команды настаивал на продолжении потехи. Это было полезно и бойцам и охотникам: и у тех и у других нарабатывались навыки, и служба неслась более бдительно, проспавших охотников и позволивших им приблизиться вплотную к тыну ждала незавидная участь: фантазия у Джефа была богатая и весьма своеобразная, с садистскими наклонностями. А чтобы не попасть под выстрел караульного, на его окрик обнаруженный охотник тут же должен был подать голос, благо в паролях необходимости не было — парни прекрасно знали друг друга и не раз участвовали в совместных походах, когда воины постигали тайны лесовиков. Если через секунду не следовало отзыва, караульный стрелял на поражение.

Но, как водится, не обходилось и без казусов. Однажды простудившийся охотник, подкрадываясь к тыну, был обнаружен и на окрик «Стоя! Кто идет?» отозвался охрипшим голосом — понятно, что караульный не узнал его и вогнал в него болт. Благо, будучи укутан в громоздкий тулуп, караульный не смог хорошо прицелиться и всадил болт в плечо охотника. Впоследствии оба были наказаны — один за то, что не смог скрытно подобраться к тыну — разумеется, когда выздоровел, — а другой этим же утром. Джефу не понравилось, что с такого мизерного расстояния караульный не смог произвести смертельный выстрел. Бедному новобранцу пришлось выпустить две сотни болтов по мишени на дистанции в сто шагов, при этом он был в тулупе, а в его распоряжении было только десять болтов. После каждой серии по десять выстрелов ему нужно было как есть, в тулупе, бежать к мишени, извлекать болты и бегом возвращаться на исходную. За ночь выпал снег, и Джеф каждый раз заставлял его бежать по целине, так что к концу внеочередных занятий по стрельбе на парня было жалко смотреть.

Тот факт, что раненый оказался в доску своим, на Джефа не произвел ровным счетом никакого впечатления. Забав своих не бросили ни охотники, ни воины. Правда, теперь, прежде чем назначать очередного лазутчика, охотники убеждались, что у того все в порядке с голосом, а в остальном все осталось так же, как было.

— Становись! Напра-во! Бегом марш!

Все, началась пробежка. Пропустив строй, Джеф покосился в сторону Андрея и осуждающе покачал головой. Ну что ты будешь делать. Пропустив руки в рукава полушубка, Андрей поспешил присоединиться к воинам, облаченным в доспехи. Новак намеренно не снял с себя полушубка, так как тот должен был в какой-то мере компенсировать отсутствие кольчуги, чтобы Джеф не очень-то дулся на столь вопиющее нарушение. В угоду же этому зверю Андрей вынужден был запахнуть полы и застегнуться на все пуговицы — еще одно нововведение, привнесенное в этот мир им: здесь не знали ни карманов, ни пуговиц и пользовались объемными кошельками и завязками. Теперь ему предстояло обливаться потом всю тренировку, насилюя свой организм. Джеф это оценил и не стал коситься на своего начальника: кому приходилось труднее — ему или воинам в кольчугах — это еще вопрос.

Домой он заявился к завтраку и весь в мыле, так что даже соблазнительные запахи из кухни не произвели на него должного впечатления, что было весьма необычно: вкусно поесть он любил, хотя впрямь это и не шло, — его друг и наставник внимательно следил за тем, чтобы у него не образовывалось и намека на жировую прослойку. Увидев его, Анна задорно улыбнулась:

— Джеф?

— Это называется оказаться не в то время и не в том месте.

— Не вредничай. Тебе это нужно.

— А кто спорит? Но только тренироваться в броне куда удобнее, чем в полушубке: не так тесно и не так жарко.

— Так завтракать-то будешь?

— Только умоюсь. Элли!

— Не отвлекай ее. Я сама тебе полью.

Они вдвоем направились в умывальную комнату, устроенную по его просьбе на первом этаже, — ну любил он поплескаться во время умывания, не делать же это в большой зале. Анна, взяв в руки кувшин, стала поливать Андрею, а тот, отфыркиваясь и кряхтя от удовольствия, начал мыться. Он уже давно подумывал о том, чтобы «изобрести» умывальник, но пока все руки не доходили, а может, все дело было именно в том, что ему было приятно умываться вот так, когда кто-то, проявляя заботу и внимание, поливал из кувшина.

С завтраком было уже практически покончено, когда в столовую ввалился Жан. Он когда-то был охотником на орочей стороне и оказался в числе спасенных из плена Новаком. После возвращения на

человеческие земли охотник изъявил желание остаться и теперь, вместе с набранной им артелью, был глазами и ушами нового поселения, а также добытчиком и наставником дружинников.

Обычно в таких ситуациях Андрей неизменно сажал пришедшего за стол и не переходил к делам, пока прием пищи не заканчивался, но на этот раз он поступил иначе. Весь вид охотника говорил о том, что что-то случилось, и что-то нешуточное. Андрей быстро утерся салфеткой и, чмокнув жену в щеку, тут же кивнув Жану в направлении лестницы, быстро поднялся, и они прошли в кабинет.

— Что случилось?

— Плохи дела, господин Андрэ.

— Обнадеживающе. Может, объяснишь?

— Инквизиция всерьез заинтересовалась нашим селом, и в частности — вами.

— Мне из тебя клещами тянуть нужно, или ты сам все вразумительно объяснишь? — сквозь зубы процедил Новак.

— А чего тут объяснять-то? Они там считают, что все ваши изобретения — не что иное, как происки сатаны, и решили провести следствие, для чего сюда направился отряд из тридцати церковных воинов и два инквизиторских дознавателя.

— А не многовато?

— Даже мало, учитывая, что у вас имеется почти столько же воинов. Но они, видно, рассчитывали на то, что далеко не все поднимут оружие против воинов креста, буде до этого дойдет.

— Что же, в этом они правы. Люди готовы сражаться за меня, но не против слуг Господа.

— Ну на четверых вы можете рассчитывать, как вы говорите, на все сто.

— Та-ак. Не сочти за труд, вызови Джефа.

— Погодите, господин Андрэ. Время есть. Эта проблема пока решена. Нет больше этого отряда.

— Объясни.

— Ну тогда по порядку. Промашка у нас вышла на охоте — лося подранили, а он, сволочь, ну никак не хотел умирать, крепкий оказался — страсть. Полдня уходил от нас. — Правило охотников не отпускать подранков Андрею было прекрасно известно, так как такой зверь становился смертельно опасным. — Нагнали мы его, но ушел он далеко — и так почти в дневном переходе отсюда было, так он еще и дальше полдня уходил... В общем, не оставалось нам ничего, кроме как податься на постоянный двор Абрамса, чтобы, значит, там сбыть мясо. Когда подошли, уже темнело, только к закрытию ворот и поспели. Глядим — а там кроме купцов на постой стали три десятка конных воинов, и все с красными крестами. Ну думаю, и чего в нашей стороне понадобилось святому воинству? Разговорились с одним поддатым, угостил его еще — он и проболтался, что едут они в новое село Новак

и сопровождают двух дознавателей. Понятно, что это мне не понравилось. Я давно уже подозревал Абрамса в том, что он с разбойниками связан, но до него у нас пока руки не дошли.

Жан имел в виду то, что Андрей со своими воинами открыл настоящую охоту на разбойников в этой округе. Им удалось уничтожить еще пару шаек: боевой опыт-то парням, да и ему самому, нужно было зарабатывать. Но до той стороны, где располагался постоянный двор старого Абрамса, было никак не меньше четырех переходов купеческому каравану и два перехода для охотников, — конные на рысях, конечно, могли обернуться и побыстрее... В общем, до тех мест в связи с их отдаленностью они и впрямь еще не добрались, пока только собирали информацию.

— Так вот, вижу, что интересно Абрамсу, по какой такой надобности святое воинство пожаловало в эти края, а их-то пытаться, понятное дело, боязно. Ну он ко мне — заметил, что я разговорился с одним из воинов инквизиторов. А я возьми ему да в самых пьяных выражениях и поведай, что не инквизиторы это, а людишки барона Браги, и везут-де в столицу налоги маркграфства, потому и караул такой крепкий, а кресты на плащах — чтобы лиходеи хорошенько подумали, стоит ли связываться со святой инквизицией. Бывает такое, практикуют бароны, правда, за это можно и поплатиться — не так чтобы и строго, но годик послужить святому делу на границе со степью под плащами с красными крестами придется. Поутру, когда это воинство тронулось в путь, мы стали следить за ними. Не разочаровал меня Абрамс-то. В аккурат посредине, не доезжая до следующего двора, на них напали десятков шесть лихих. Воины-то в инквизиции не ахти, больше авторитетом дают — здесь же не степь, это там они на равных с ратниками против степных орков встают, а здесь все больше за спинами дружин да под сенью креста прячутся. Видно, решили разбойнички, что им счастье обломится, потому как крепкие бойцы, да в таком количестве, под красными крестами прятаться не станут. Не вышло. Нет, конечно, с десяток они на тот свет отправили вместе с одним из дознавателей, и ранили не меньше, но только церковники всех в капусту порубили, никого не отпустили. Все же brave воины оказались. Вот тут-то мне это еще меньше стало нравиться. Ну сделали мы кружок, нащупали волчью стаю и подманили их на остатки отряда.

— Погоди, а как вы смогли волков-то подманить?

— Есть способы, — многозначительно заявил Жан, — тут главное, чтобы стая оказалась поблизости, ну и не дать себя цапать. В общем, большая оказалась стая, голов пятьдесят, не меньше. Зима-то снежная выпала, а сейчас как раз конец, голодно стало совсем. В обозе у церковников кровью все пропахло, так что волки легко соскочили с нашего следа и пошли на обоз. Сколько-то волков они завалили, но все одно всех их порвали. Двое попытались вскачь уйти, и ушли бы, да только с десяток волков что-то на них взелись: они, уходя, одного

волка свалили — видать, волчицу. В общем, догнали и загрызли и их и лошадей. Зверь в это время лютый — вроде и хватает добычи, а они все одно не успокаиваются, пока все живое вокруг не порвут.

— Значит, с нами это происшествие связать не смогут?

— Хвала Господу, ночью снегопад прошел, так что наши следы замело, а то, что найдут на дороге, скажет лишь о том, что сначала сдуру на инквизиторов напали разбойники, а потом тем не повезло пересечься с волчьей стаей.

«Вот так вот. Порвали волки волков. А ведь фактически это охотники порвали их, и заметьте, инквизиторы пока вам еще не угрожали, а только ехали произвести следствие. Какое качество у него было бы — вопрос второй. А вот охотнички ждать не стали: угроза только обозначилась, смутно так, а они тут же бросились ее ликвидировать, да еще столь радикальным образом. А ведь трое подчиненных ничем не обязаны вам, долг крови только на Жане, хотя вы не раз говорили ему, что должником его ни в коей мере не считаете. Симптомчик, однако. Хотя чего скрывать-то — салом по сердцу, как любил поговаривать ваш однокурсник с Украины. Значит, люди вас любят, а это дорогого стоит».

— А стоило ли это того? — задумчиво произнес Андрей. — Ну приехали бы, потолкались бы здесь дознаватели, ведь никакой крамолы у нас нет, ересью и не пахнет. Вон даже церковь поставили. А изобретения — ну, чего же тут такого, никаких происков сатаны здесь и в помине нет, мы же из свинца золото не получаем.

— То есть как это не стоило? — обиженно возмущился старшина охотников. — Если бы они хотели просто следствие произвести, то не ехали бы такой силой: для охраны и десятка достаточно, и дознавателя одного хватило бы. А тут такая силища, что, почитай, любой замок на щит могут вздеть. Вот всем вы хороши, но иной раз ну прямо как дитя, ей-богу, — потупившись, тихо закончил Жан.

Андрею даже неловко стало от собственных слов, а лицо залила краска стыда. Люди рисковали своей жизнью ради того, чтобы помочь ему, более того — поставили себя вне закона, организовав гибель инквизиторов, а стать виновником гибели одного инквизитора или тридцати двух — разницы не было никакой. Следствие по этому поводу проводилось всегда с завидным тщанием и скрупулезностью.

— Извини, Жан. Я очень благодарен вам. Даже не знаю, как высказать это словами.

Жан, быстро подняв голову, впился взглядом в глаза своего господина и, что-то там увидев, удовлетворенно кивнул своим мыслям:

— Мы ваши, господин Андрэ, с головы до пяток ваши. Что сделано, то сделано, а что делать дальше — решать вам. Пойду я.

— Погоди. Раз уж так все срослось, то со стариной Абрамсом нужно что-то решать. Он может вывести на вас.

— Вы думаете...

- Концы нужно обрубать полностью.
- Так...
- Именно. Об этом раньше нужно было думать. Никого больше задействовать не будем. Готовь ребят, я с вами.
- Понял.
- И никому ни слова.
- Не дети, — лихо нахлобучив на голову трех, проговорил охотник и выскользнул из кабинета.

* * *

Подворье Абрамса ничем не отличалось от остальных постоянных дворов, которые, казалось, все были изготовлены по шаблону. С другой стороны, незачем было придумывать что-либо: все они служили одной цели, а сложившийся образец всецело отвечал предъявляемым требованиям.

Андрей переступил порог общего зала и громко позвал хозяина, требуя горячего. Хозяин не замедлил явиться на зов и, едва увидел вошедших следом за Андреем охотников, метнул в Жана ненавидящий взгляд, впрочем, это было столь мимолетно, что, не следя за ним Андрей специально — ничего не заметил бы. Но этот взгляд лишний раз подтвердил подозрения о причастности Абрамса к разбойникам. Что же, зачищая концы, нелишне будет чувствовать, что все же совершаешь правосудие. Вот только у Абрамса жена, дочь и два сына, да еще и работник.

— А что, хозяин, как у тебя с ночлегом, не то темнеет уже... — Андрей говорил спокойно, хотя в душе у него польхал пожар.

— Так у меня все комнаты свободны — хоть графскую дружину на постой приму. Сейчас время ярмарок, купцы в дорогу не больно-то спешат. Так что всех размещу, а желаете — так и каждому по отдельной комнате, — слащаво пел хозяин.

— Ага, и плату небось за каждую комнату потребуешь.

— Ну это как водится, — скромно потупив глазки, подтвердил Абрамс.

— Нет уж. Подготовь нам две комнаты. Мне отдельную, а они вчетвером переночуют.

— Как прикажете, — не скрывая своего разочарования, проговорил хозяин. Не переигрывал он, все в пределах роли: какой хозяин постоялого двора откажется заработать побольше, если есть такая возможность.

Двое, неся все пожитки, направились за старшим, лет тринадцати, сыном хозяина, которому отец приказал показать постояльцам комнаты. Дочь примерно пятнадцати лет торопливо расставляла на столе посуду. Жена деловито проследовала на кухню — быстроенько сообра-

зить что-нибудь, чтобы путники пока могли посидеть в ожидании ужина, да и ужин готовить нужно было. Вот только работника нет.

Жан со вторым охотником направились на выход, недвусмысленно поправляя штаны, при этом парень виновато развел руками — мол, ничего не поделаешь, природа требует свое. Хозяин лишь ухмыльнулся и направился на кухню.

В одиночестве прошло не больше двух минут. Двое парней спустились в общий зал, один из них легонько кивнул Андрею, сидящему за столом и потягивающему эль. Началось. Старшего сына уже убрали. Затем вернулись те, кто ходил на улицу, и Жан также подал сигнал, что работника нашли и тоже позаботились о нем.

Хозяйская дочь вновь появилась в зале и направилась на лестницу — видимо, ей что-то потребовалось в ее комнате, а может, родители за чем-то послали. Когда девушка уже не могла видеть, Андрей мотнул в ее сторону головой, и один из парней скользнул за девушкой — охотник был совершенно бесщумен, хотя под его ногами была не лесная земля, а половые доски.

Младший Абрамс, мальчик лет одиннадцати, ничего не заметил, шуруя кочергой в камине. Андрей, проклиная себя последними словами, скользнул к мальчишке и, схватив его за горло, тут же оторвал от пола, чтобы дергающийся пацан не поднял шума. Так он его и держал на вытянутых руках, пока паренек не затих. Он и сам не заметил, как из его глаз брызнули слезы, дыхание стало прерывистым, словно это его сейчас душили, по капле выдавливая из него жизнь. Когда парнишка затих, он бережно опустил его на пол и, сев рядом, тихо завыл, содрогнувшись тому, что только что совершил.

Вышедшие из кухни трое охотников так и застали его плачущим над телом мальчика. Тихо подвывая, он сотрясался всем телом от рыданий. Внутри не было ничего, а в голове вместе с тоской билась только одна мысль — о том, что он обязан был поступить именно так, иначе под угрозой были все те, кто стал ему за последнее время дорог. Он уже не рефлексировал на убийства людей, ему не раз приходилось делать это, но вот так хладнокровно убить ребенка, даже спасая других... Инквизиция дорого заплатит ему — ведь именно их тень толкнула его на это.

Спустился и тот, что направился за хозяйской дочкой, вид у него был мрачный, но решительный, в руке он сжимал кожаный мешочек. Жан быстро заглянул в него, взял щепотку находившегося внутри зелья и, понюхав его, вернул обратно.

— Не убивайтесь вы так, господин Андрэ. Да, мальчик, но только если дочь была в курсе дел родителей, то что уж говорить о парнишках. Это порошок из сон-травы, — протянув мешочек, сказал он Андрею. — Если бы мы остались здесь на ночь, то утра уже не увидели бы.

— Этот слишком мал, мог и не знать, — сквозь рыдания проговорил убийца. — Работник тоже мог быть невинным. Прости меня, Господи.

— Это так, но другого-то выхода не было: они нас видели, а инквизиция умеет спрашивать и делать правильные выводы.

Еще минут пять он переживал содеянное, но затем поднялся и начал раздавать указания. Охотники спешно начали их выполнять. Всех разнесли по комнатам, раздели и уложили в постели. Инквизиторы будут копать со всем тщанием, а потому Андрей не хотел оставлять никакой зацепки — кто знает, насколько они профессиональны. Именно поэтому все были именно задушены, хотя было бы куда гуманнее сломать шею, ну хотя бы тому же мальцу, но предугадать, насколько тела пострадают в пожаре, он не мог: перелом шейных позвонков мог родить подозрения. Они даже вымыли и поставили на место посуду, которую успели использовать.

Уложив труп работника в его каморке, Жан поставил рядом с кроватью почти пустой кувшин вина и поджег лучину, уронив миску с водой, в которую должны были падать угольки от нее. Все выглядело так, словно напившийся работник забыл потушить лучину, да еще и уронил миску с водой. В общем, полное небрежение правилами противопожарной безопасности. Правда, на стену возле лучины плеснули немного масла, ну да это уже установить не смогли бы и в его мире, не то что здесь.

Они простояли на дороге в пределах видимости постоялого двора около часа, пока над постройками не начало подниматься зарево. Все это время, неприятно передергивая плечами, они слушали вой цепных волкодавов, почуявших смерть хозяев. Постоялые дворы никак не охранялись, если только на постой не становились купцы или отряд воинов, которые организовывали караульную службу. Если же на постое никого не было, то эту роль выполняли волкодавы, которых на каждом подворье было не меньше четырех.

* * *

Через несколько дней к Андрею пришел падре Патрик. Нет, он, конечно, бывал у него практически каждый день, они частенько засиживались вечерами за шахматной доской, если Андрей не был занят в кузнице или не корпел над чертежами в кабинете, но в этот раз падре был взволнован и даже не пытался скрыть своего волнения.

— Андрэ, сын мой, нам нужно поговорить.

— Может, сначала пообедаем?

— Нет.

Понимая, что сейчас старику в глотку кусок не полезет, Андрей сделал приглашающий жест по направлению к кабинету. Одновременно он подал знак своей жене, что волноваться не о чем, и изобра-

зил нечто, что должно было говорить, что у старика в голове появилась какая-то причуда, — благо у того на затылке не было глаз. Анна едва слышно пискнула, зажав рот, — настолько муж выглядел уморительно, кривляясь за спиной священника, — однако другой рукой она погрозила своему супругу кулачком, и тот, изобразив смирение, направился за падре.

Если бы только Анна знала, каких трудов стоило Андрею изображать безмятежность, да еще и по-скоморошьи кривляться! Он-то прекрасно знал, что произошло пару дней назад, и, несмотря на то что следов никаких не осталось, происшествие это могли связать с ним проще пареной репы: инквизиторы-то погибли по дороге к ним. Хотя живых свидетелей, которые могли бы указать на него или его людей, не было.

— Что случилось, падре? Вы так взволнованы...

— Есть причины, поверь мне, сын мой. Только что вернулся из Йорка приказчик Эндрю.

— Мы ждали его на днях, но...

— Не перебивай меня. Он сообщил, что в двух днях пути от нас на дороге обнаружены останки отряда инквизиторов.

— Кто-то посмел напасть на святую инквизицию?! — изобразил Андрей искреннее удивление. — Мне казалось, что это невозможно в принципе.

— Как видишь, это не так. Как сказал Роберт, на отряд инквизиторов, направлявшийся к нам, напали сначала разбойники, а потом стая голодных волков. Инквизиторы, конечно, стараются не распространяться на эту тему, но слухи ходят. Они вроде бы уже кого-то поймали из ватаги разбойников.

При этих словах Андрей отвернулся, чтобы падре не заметил, как изменилось выражение его лица. Наполнив две кружки вином и сумев справиться с охватившей его тревогой, он предложил святому отцу выпить. Окончательно подавить волнение ему не удалось, внутри набатом звучала тревога, но по меньшей мере внешне он сохранил спокойствие и даже сумел говорить без дрожи в голосе. Да-а, все же за прошедшие века святая инквизиция поднаторела-таки в раскрытии преступлений, здесь он оказался прав.

— Ну напали на них разбойники, а потом волки, мы-то тут при чем?

— А при том, что ты не слушаешь меня, сын мой. Они ехали К НАМ, понимаешь?

— Да у нас-то они что забыли?

— Не обижайся, но причина в тебе.

— Интересное дело. Чем же я мог привлечь внимание святой инквизиции?

— И это я слышу от того, кто вмешался в Божий суд и оставил святую инквизицию с носом!

— Падре, вы сами сказали, что я вмешался в Божий суд, и он свершился. Насколько мне известно, все приняли волю Господа нашего, выказанную на том суде.

— Так, да не так. Волю Господа они, конечно, приняли, но кто сказал, что это была однозначно воля Создателя?

— Все, я запутался. Так выказал свою волю Создатель на том поединке или нет?

— Борьба добра и зла, света и тьмы, Господа и сатаны начата в незапамятные времена и длится по сей день. Как считаешь, длилась бы она столь долго, если бы Господь мог так просто победить врага рода человеческого? Где-то побеждает Господь, где-то они приходят к равновесию, где-то Господь вынужден немного отступить, ибо борьба ведется между ними руками созданных Господом людей, среди нас, а потому сатана использует слабости людей и слабость духа, и именно поэтому Господь наш пока не одержал окончательного верха, потому что борьба идет в первую очередь за наши души.

— Вы хотите сказать, что бывали случаи, когда результаты Божьего суда признавались недействительными? Но ведь это абсурд.

— Инквизиция прибегает ко многим приемам, чтобы сохранить власть Церкви. Ты заметил, сын мой, насколько бедны наши храмы и сами священники. Но это все показное, ибо главное богатство, которое сосредоточено в руках святых отцов, — это власть. Простой священник может потребовать, заметь, **ПОТРЕБОВАТЬ** от барона или графа поступить тем или иным образом, ну, к примеру, помиловать приговоренного к казни, — и тот подчинится.

То, что дальше поведал падре, на многое открыло глаза Андрею. Оказывается, любой преступник мог найти приют в церкви, и если священник давал этот приют, то светские власти были попросту бессильны что-либо сделать, если только Церковь не решала выдать того. Именно таким образом и пополнялись ряды святого воинства. В этом мире не было распространенных в том, оставленном Андреем, мире орденов, вместо них пришел один-единственный, да и тот не был орденom как таковым, так как это была святая инквизиция. В это воинство поступали все преступники, военные или просто разбойники, над кем простерла свое благословение Святая Церковь, отпустив их прежние прегрешения в обмен на службу Господу. Нет, были, конечно, и такие, кто шел в войско инквизиции по своей воле, искренне желая служить святому делу борьбы с сатаной и его порождениями, но их было мало. Были и те, кто направлялся служить в эти войска на определенный срок ради искупления грехов — такая своеобразная епитимья или индульгенция, это уж как кому.

Еще падре поведал Андрею о том, что все его новшества, которые, казалось бы, приносили облегчение людям, увеличивали производительность и как итог несли повышение благосостояния, на проверку оказывались происками сатаны, ибо Господь повелел чадам своим во

искупление грехов добывать хлеб насущный в трудах тяжких, а все, что несет облегчение на этом свете, — это от лукавого. В эту же копилку падало и приобщение селян к чистоплотности, так как это указывало на чрезмерную заботу о плоти, а это также грех. Церковь вообще призывала ходить в рванье и никогда не мыться, ибо только так можно было очистить дух. Вшей и вовсе не считали паразитами, а даже называли «Божьими жемчужинами», указывающими на святость, — а тут такое пограние постулатов! Получение же высококачественной легированной стали в мире, где оружие из такого металла было величайшей редкостью и стоило баснословных денег, да еще использование в качестве изначального сырья самой плохой руды...

В общем, инквизиции, оказывается, было где разгуляться и обвинить Андрея во многих грехах, а вместе с ним и его людей, и увлекшегося новинками и слишком рано посчитавшего себя в безопасности падре. Дела были не просто плохими, а очень, очень плохими.

«Да-а, падре. Так ты решил воспротивиться системе, а система не любит, когда ей кто-либо противится, а уж своих-то смутьянов с потрохами сжирает. Нет ничего удивительного в том, что тебя объявили еретиком, а тут — я, весь такой белый и героический. Ведь решил же не высовываться — нет, выперся посреди площади с революционным транспарантом. Теперь понятно, почему Церковь так преследует все новое и на протяжении сотен лет тормозит процесс развития. Я-то, грешным делом, сразу припомнил фантастические романы о том, как потомки представителей высокотехнологичных обществ после какой-либо катастрофы регрессируют и скатываются до дикости. Здесь же, оказывается, все иначе. Ну утратились бы кое-какие навыки, но за такой срок люди все одно начали бы развиваться и уже дошли бы хоть до кремневых ружей и пара. Но Церковь, борясь за свою абсолютную власть, хотя и завуалированную, но единственно настоящую в этом мире людей, искусственно тормозит развитие общества, так как это повлечет за собой потерю ее огромного влияния на паству. Подумать только, если Папе станет неуютен какой-либо КОРОЛЬ, он может просто подтасовать факты, предать его анафеме и отлучить от церкви. Там, в моем мире, такие прецеденты имели место, но порой это оборачивалось головной болью для самих служителей Господа. Здесь это смертный приговор для монарха, так как народ, еще вчера восхвалявший его и искренне любивший своего сюзерена, после такого сам поволок бы его на костер, причем в прямом смысле этого слова. Даже если найдется часть верных сюзерену воинов, большинство выступит против него, науськиваемое Церковью. Что уж говорить обо мне. А как же Анна и наш ребенок? Нет, ну каковы подлецы! Как славно работают. Ну да я еще жив. Интриган, правда, из меня неважнецкий, но что-то придумать нужно. Подключайтесь, падре, без ваших мозгов мне не выкрутиться».

— Насколько плохи наши дела, падре?

— Очень плохи, — не стал обнадеживать его священник. — Я было понадеялся на свершившуюся волю Творца на том судилище, но совсем позабыл о том, что святая инквизиция никогда не отступает.

— И что, нет никакого выхода? Чем можно откупиться от инквизиции?

— Ничем. Они не берут штрафов. Деньги для них вообще ничего не значат. Беднее священников живут только церковные мыши. Это их плата за власть, это указывает пастве на их святость и на то, что они стоят выше любых сюзеренов, а потому имеют большее влияние.

— Так не бывает. Вы сами говорите, что они держатся за свою власть, а это уже корысть. Там же, где есть корысть, должна быть и цена. Их не интересуют деньги, но что-то их интересует? Как говорил один мой хороший знакомый, безвыходных ситуаций нет. Так что давайте думать.

Глава 2 ПОГРАНИЧЬЕ

Жара. Солнце палило нещадно, взирая на этот мир с чистого лазурно-синего небосвода. Нет, еще месяц назад все было не так плохо. Конец весны, мягкое ласковое солнце, земля, отдающая прохладой после зимы, цветущая, сочно-зеленая степь. Хотя бескрайние просторы и навевали тоску своей однообразностью, по весне на это взирать было еще терпимо. Но сейчас, в конце июня, взгляд уже ничто не радовало. Желтая пожухлая трава, выжженная солнцем, подавляла своим видом. Казалось, что этот пейзаж был таким со времен сотворения мира. Подумать только, через каких-то две сотни километров от этого места возвышались горы, росли обширные вековые леса, зеленели луга — здесь же ничего этого не было, только иссушенная земля и ковыль до самого горизонта, куда дотягивается взгляд.

Андрей недовольно подвигал плечами, но помочь своему многострадальному телу не мог, так как для того, чтобы хотя бы почесаться, нужно было скинуть кольчугу и поддоспешник, но делать это в походе не рекомендовалось — опасно, знаете ли. Степь — она только кажется ровной как стол, на самом деле мест для укрытия целого войска в ней больше чем достаточно. Холмы, плавно перетекающие один в другой, балки, образуемые речками, многие из которых оживают только в сезон дождей и весной, а уже к началу лета пересыхающие без следа, даже дно этих рек зарастает травой, разве только несколько гуще, чем на склонах балок, да еще по дну высохших речек имеются островки кое-какой зелени. Так что вероятность внезапно напоротся на отряд кочевников или отдельного стрелка была довольно высока.

Хотя желание снять доспехи и дать телу отдых было очень сильным, он решил не рисковать. А тут еще эти «Божьи жемчужины»,

проклятые вши в простонародье, которые, казалось, отрывались на нем за все те годы, что он обходился без них. Нет, ну чего плохого в том, чтобы регулярно мыться? Нельзя. Грех. От него сейчас несло как от давно не мытого, но регулярно использующегося унитаза, но поделаться с этим он ничего не мог.

Небольшой отряд из двух десятков всадников на заморенных конях сейчас находился в балке. Андрей ожидал донесений от высланных на урез склона разведчиков — те едва угадывались, распластавшись наверху, хотя до них было не больше полутора сотен шагов. Все же покраска чехлов доспехов и одежды в песчаный цвет с вкраплениями коричневого прекрасно подошла к данной местности и хорошо маскировала. Не знай он о том, что воины находятся именно на этом месте, — скорее всего, и не заметил бы расположившихся на возвышении лазутчиков.

Он в очередной раз неприязненно повел плечами и оглянулся. В паре десятков шагов за спиной воинов расположились пять обозников, которые сейчас удерживали заводных коней. Хотя они также были облачены в кольчуги, упрятанные под камуфлированные чехлы, и надо заметить, кольчуги эти были ничуть не хуже тех, что были на воинах, из оружия у них имелись только боевые ножи и арбалеты. Впрочем, при ближайшем рассмотрении было видно, что обозники весьма молодого возраста, не старше четырнадцати лет, поэтому какое-либо более серьезное оружие им не под силу, но сжимаемые в руках арбалеты были силой весьма грозной. В случае опасности эти мальчишки могли достаточно эффективно поддержать своих старших товарищей, а пять болтов, пущенных умелой рукой, иной раз решали очень многое. В отряде их было всего шестеро, но шестой сейчас остался на хозяйстве в крепости: кто-то же должен присмотреть за имуществом отряда. Оно, конечно, в дальних гарнизонах воровство не процветало, но инциденты имели место, а экипировка у отряда была хорошей. Там же находился и кузнец, который решил отправиться вместе с отрядом, разумеется, за солидное вознаграждение, но больше все же по вассальной клятве. Без кузнеца воину никак нельзя: железо постоянно требует правки и ремонта, тем паче если походы нескончаемы.

Бросив взгляд влево от себя, Андрей посмотрел на падре Томаса, прикомандированного к его отряду святой инквизицией. Невысокого роста крепыш с кривыми ногами, кривизну которых не способна была спрятать даже ряса, весьма уверенно восседал на высоком скакуне, хотя и считалось, что более приличествует святому сану осел, ну в крайнем случае мул. Впрочем, при более внимательном рассмотрении инквизитора в глаза сам собой лез бывалый воин. Об этом говорило все — и осанка, и экономящие выверенные движения, и уверенная посадка, и даже ряса, полы которой очень напоминали Новаку кавалерийские шинели, так как спереди и сзади имели длинные разре-

зы, что позволяло вполне комфортно чувствовать себя в седле, под рысой угадывались крепкие кожаные штаны. Одним словом, бывалый кавалерист да и только. Только глаза выдавали ярого фанатика — Андрей не взялся бы объяснять, чем взгляд фанатика отличается от взгляда обычного человека, но отличать их уже мог безошибочно: был в этом взгляде какой-то негасимый, все пожирающий огонь и неистовая вера.

То, что из святого отца во все щели пер воин-ветеран, как раз не было удивительным. Падре в свое время был великолепным кавалеристом, лучшим бойцом в конной дружине графа Форволка, а впоследствии и пограничья, но потом он вдруг проникся верой в Господа и решил, что может служить только ему. Церковь благосклонно приняла в свои объятия нового брата и, проведя с ним небольшой ликбез, направила нового служителя Господа на южные рубежи, — а как они еще могли использовать бывалого воина, на которого снизошла благодать Господня? — только в борьбе с порождениями сатаны.

Андрей был несказанно рад, что к ним приписали именно этого представителя святой инквизиции. Избежать назначения в отряд соглядатая не было никакой возможности, так как все кавалерийские отряды в крепостях на южных рубежах имели таковых, — Церковь объясняла это тем, что воинам, непрестанно находящимся на территории исчадий ада, необходим духовный отец, который бы сумел оберегать их от происков сатаны. Правда, были два момента, которые для Новака оставались загадкой. Почему это распространялось только на южные рубежи, когда в приграничных поселениях с лесными орками зачастую не было никаких священников, не говоря уж об инквизиторах? И почему этим священником был инквизитор? — уж кто-кто, а проповедники из них были еще те, они безгранично были преданы христианству, но нести свет этой веры были способны только посредством костров, в крайнем случае — епитимий, накладываемых на паству.

Но назначение именно падре Томаса он одобрял целиком и полностью. Падре оказался неисчерпаемым кладезем премудрости ведения кавалерийских боев, и в частности в степи. Именно благодаря ему за прошедшие два месяца отряд стал одним из лучших на границе. Впрочем, заслуга в этом была и Андрея, так как, понимая, что его жизнь напрямую связана с боевой эффективностью отряда и его самого, он каждую свободную минуту нещадно гонял своих бойцов и себя родного, повышая боевую подготовку. Нет, его бойцы конечно же были весьма неплохими пехотинцами и могли достойно встать в строй с другими воинами, но тут-то им предстояло служить совершенно в ином качестве, — Андрей предполагал, что такая епитимья ему и его людям была назначена с умыслом. Дело в том, что до семидесяти процентов потерь в гарнизонах пограничных крепостей несли именно патрульные конные отряды, а к Андрею у инквизиции был свой счет, хотя и негласный: спасенный практически из самого костра

падре Патрик, и хотя не удалось доказать связи Новака с гибелью отряда инквизиторов, но и это ставилось ему в вину: направлялись-то они в село Новак.

Вскоре одна из фигур на вершине склона немного сползла вниз и, когда опасность быть замеченным миновала, поднялась и бодрой рысцой рванула к отряду.

— Что там, Джеф?

— Сэр Андрэ, как мы и предполагали, те два отряда нашли друг друга. Они сейчас на равнине гоняются друг за другом и мечут стрелы.

— Как успехи?

— Так себе, — разочарованно проговорил ветеран. — И те и другие опытные бойцы, так что потери пока вроде как равные и небольшие. Они оттягиваются от нас в сторону южных холмов.

— Ну что же, это уже радует: по меньшей мере, движутся они от нас, а не к нам.

— Как вы можете радоваться тому, что исчадия ада движутся от нас, а не к нам? Так они избегнут заслуженной кары от христианского оружия!

— Но мы ведь не собираемся оставлять их в покое, — поспешил заверить падре Андрей. — Мы только дадим возможность им самим немного уменьшить свое количество, а потом нанесем завершающий удар. — Нет, объяснять падре Томасу прописные истины, благодаря которым, кстати, они пока выходили победителями, он не собирался, тот и сам все прекрасно понимал. Мало того, большинство из того, что они применяли в бою, они приобрели именно благодаря инквизитору, но иногда его накрывало. Вот как сейчас.

«Блин. Ну чисто комиссар в сорок первом, который имел полное право отменить приказ командира, если тот казался ему неверным. Командирам Красной армии приходилось быть не только командирами, но еще и политиками, местечковыми такими, но от лояльности комиссара зависела порой их жизнь. И этот туда же. Ублажай его, чтобы потом не аукнулось».

— Значит, мы не побегим, как в прошлый раз?

— Падре, вы же прекрасно понимаете, что мы не могли сражаться с тем отрядом: там было две сотни всадников. Но зато мы предупредили гарнизоны крепостей и орков встретили. Ведь именно это наша основная задача — отслеживать перемещение отрядов степняков. — Андрей давно уже понял, что когда того накрывало, то спорить с падре было бесполезно: можно было только вот так, ненавязчиво, с подобострастием уговаривать его, пока до того не доходило, что РЫЦАРЬ с почтением оправдывается перед ним, служителем Господа.

— Хорошо, сын мой. Я вижу, наставления скромного служителя нашей матери-Церкви не пропали даром.

Все. Святошу вроде отпустило. Теперь можно было говорить более деловым тоном. Боже, как он устал от этого. Но радовало уже то, что эти два отряда в набег пошли независимо и, по всей вероятности,

принадлежали двум враждующим кланам, а потому, обнаружив друг друга, самозабвенно начали резаться, или, если быть точным, обмениваться смертельными презентами в виде стрел. О набеге на земли людей пока можно было не беспокоиться. Во всяком случае, эти отряды в набег всяко-разно не пойдут, даже если их и не добывать. Уйдут в свои стойбища зализывать раны. Победителям же достанутся все трофеи, которые окажутся на поле боя. Конечно, это не то, что при нападении на селение людей, но тоже немало. Степь весьма скудна, чтобы не радоваться хоть какому-то прибытку.

Тут следует отметить, что бой степняков в значительной мере отличается от такового их собратьев из леса. Ареной, на которой разыгрывается сражение, могут стать сотни квадратных километров степи. Бывало, что противники ни разу не сходились грудь в грудь, решая исход сражения только при помощи стрел, которых эти ребята таскали с собой до неприличия много, используя выючных лошадей. Во время боя оба противника находились в постоянном движении, кружа по степи, всякий раз стараясь занять выгодную позицию, — тут учитывалось множество факторов: и положение светила, и направление и сила ветра, и характер почвы и самой местности.

Орки прекрасно могли использовать складки местности, нередко теряя друг друга из виду, но не питая иллюзий относительно того, что противник забыл о них: они и сами, используя холмы и балки, старались занять более выгодную позицию, скрытно подобраться к противнику и внезапно нанести удар по неприятелю, и желательно в спину. Только первый удар имел хоть какие-то шансы нанести врагу ощутимые потери, так как потом воины начинали боевую пляску, и нужно было быть весьма искусным и везучим, для того чтобы попасть во всадника, уже ожидающего удара. Лучниками они были превосходными, но вот только им противостояли столь же прекрасные бойцы и наездники.

С людьми было проще — в большинстве случаев те ограничивались патрулированием, а едва заметив вражеский отряд, старались тут же оторваться и сообщить о нем в крепость. Надеяться людям было практически не на что: составить конкуренцию оркам ни в стрельбе из лука, ни в искусстве верховой езды они не могли. Так что приходилось уповать на скорость лошадей, которая у их рослых скакунов была повыше, чем у степных лошадок, а также на прочность доспеха, которые тоже были попрочнее орочьих. Правда, если погоня затягивалась, преимущество в скорости сводилось на нет просто поразительной выносливостью коней кочевников. Именно поэтому отряды всадников в крепостях несли весьма ощутимые потери.

Конечно, и среди людей находились отряды, которые могли весьма успешно противостоять оркам, но их было не так много, да и были они малочисленны, не больше полусотни всадников, — впрочем, это в лучшем случае, в основном же — не больше двух-трех десятков. Орки же

меньше чем по полусотне воинов в поход не ходили — бывали, конечно, исключения, но весьма редкие. Для проведения похода в основном объединялись несколько родов, обычно два, ближайšie соседи, так как представителям более дальних родов и веры было поменьше.

Одним из таких состоятельных отрядов и был отряд Андрея, который появился в этих местах два месяца назад, как только степь просохла после весенней распутицы. Что было самым удивительным, так это то, что за это время они хотя и имели раненых, но пока не потеряли ни одного бойца, а орков положили не меньше сотни. Но имелся один нюанс: в доказательство своих побед они не могли представить ни одного браслета. Как выяснилось, это украшение носили только лесные орки, степные обходились татуировками, которые сразу же блекли, едва носитель этой татушки погибал, а через час от нее не оставалось и следа.

Столь низкий процент потерь в отряде Андрея объяснялся тем фактом, что кольчуги на воинах Андрея были не совсем обычными. Нет, покрой и техника изготовления оставались почти такими же, как и везде, только они были усилены стальными же пластинами, что применялось многими, кто мог позволить себе это, но вот материал... При изготовлении этих кольчуг использовалась стальная проволока, чего не было ни у кого другого, так как сталь была чрезвычайно дорога, однако Андрей решил, что жизни его людей ему дороже. Так что стальные доспехи весьма способствовали сохранению плоти его воинов. В первых схватках, когда они только нарабатывали опыт, лишь это преимущество и позволяло им выжить, да еще, пожалуй, необычность тактики боя.

Как они и ожидали, орки довольно долго кружили на открытой местности, нанося потери своим противникам. За это время они успели отдалиться от места первого столкновения километров на десять. Но, как говорится, всему приходит конец.

Потери одного из отрядов достигли какого-то определенного предела, и оставшиеся четыре десятка орков начали планомерное отступление. Казалось бы, ничего особенного не произошло, но в их поведении что-то изменилось. Уже наметанный глаз Андрея явно различил признаки отступления. Орки во втором отряде также заметили, что противник начинает отход, но в погоню не рвались. Стоит потерять осторожность и броситься в безудержную атаку, как проигрывающая сторона может нанести большие потери и поменяться ролями с, казалось бы, еще несколько минут назад выигрывавшим сражение отрядом. Бой в степи может течь бесконечно медленно, но всегда готов взорваться стремительностью, и, как пойдут дела после этого взрыва, предсказать можно далеко не всегда.

— Что скажешь, Джеф?

— А чего тут говорить-то. Эти места мы знаем. Эта балка делает петлю, огибая ту равнину. Так что мы можем воспользоваться ею и

немного опередить орков. Они-то на заморенных конях — мы на свежих.

— Предлагаешь атаковать отступающих?

— А чего на них смотреть-то. Всяко-разно уйдут. Через пару миль идет гряда холмов с крутыми склонами — и только один узкий проход на стыке, — те, кто гонятся, это знают прекрасно, убегающие тоже, а в той узости можно понести большие потери, так что рисковать не станут.

— А если тоже воспользуются этой балкой?

— На заморенных конях им не угнаться. А заводные остались слишком далеко. Нет, дальше гнаться они не станут, — уверенно закончил ветеран.

— Как вы думаете, падре?

— Он прав. Орки, скорее всего, разойдутся. Десятка полтора воинов они сшибли да заставили бросить заводных и вьючных лошадей, так что какая-никакая добыча есть, рисковать они не станут, — согласился с Джефом падре Томас.

— Ну значит, наш черед.

Всадники дали шпоры коням и рысью двинулись по дну балки. Спешить особой нужды не было. Орки, скорее всего, достигнув прохода, остановятся там, поджидая противника, но тот не сунется в эту ловушку — это знали и те и другие, — но просто отступить было нельзя. Наконец оставленные в покое остановятся там на отдых. Идти на заморенных конях на открытое место... Нет, такой глупости от них не дождешься. Вот тут-то на расположившихся на привал орков и собрался напасть Андрей.

Продельвалось это уже не раз. На открытое столкновение Новак старался не идти, и пока ему это удавалось, а заодно получалось и избегать потерь. Он старался сохранять осторожность всегда, даже когда на его стороне было явное преимущество: пополнений не предвиделось, так что цель была одна — нанести оркам максимальный ущерб, сохранив своих людей, которые с каждым днем набирались боевого опыта.

Была и другая причина такой неторопливости. Нет, он не боялся того, что их кони устанут, в конце концов имелись заводные, которых можно было оседлать перед схваткой, — в итоге так и планировалось сделать: в степи всадник на уставшем коне уже практически мертв. Но вот скрыть пыль из-под копыт несущихся во весь опор лошадей не так-то и просто. Вернее, на сухом грунте это невозможно. Всадник, несущийся по степи в галоп, считай, вывешивал транспарант с надписью «Я здесь» на многие километры окрест.

— Сэр Андрэ! Заслон нагоняет!

— Сто-ой! — тут же среагировал Андрей на предупреждение Джефа. Если заслон без приказа покинул свое место в арьергарде, то тому были причины, и оставить их без внимания он не мог.

● Кроусмарш ●

Глава 1

ПОКУПКА. БРАТ АДАМ

Кроусмарш. При первом упоминании Эндрю об этом месте Андрей Новак просто воспринял эту информацию, только изобразив свою заинтересованность. Когда инквизиция обратила свой взор в его сторону, он рассматривал Кроусмарш как одно из мест, где он сможет избежать пристального внимания со стороны святош, — останавливал тот факт, что место было далеко не безопасным. Но после последнего рейда по степи он уже стал более детально обдумывать возможность поселиться в этом опасном краю.

Андрей вдруг понял, что безопасных мест в этом мире для него просто не существует, и если он и обретет спокойный тихий уголок, то ему придется создать его самому. Он был чужим в этом мире, где царило Средневековье и свирепствовала инквизиция. Здесь можно было погибнуть от рук злобных людоедов-орков, хотя с последним можно было и поспорить, так как годичная служба на границе со степью научила его тому, что не все орки одинаковы. Можно было оказаться убитым разбойниками, прельстившимися твоим кошельком или одеждой. Нарваться на неприятности в лице рыцаря, которому показалось, что слишком дерзко себя ведешь. Оказаться под судом инквизиции, обвинившей тебя в еретичестве.

Этот мир — мир Средневековья, где время, казалось, застыло навеки. Люди не были его хозяевами. Настоящими владыками его были орки, человек же здесь появился только восемьсот тридцать два года назад, когда падре Иоанн привел сюда беженцев из захваченного Саладином Иерусалима. Андрей же, бывший пенсионер МВД, появился здесь только около трех лет назад. Почему бывший? А какой он пенсионер, если не получает пенсии, и мало того — на матушке-Земле его, скорее всего, уже похоронили, а уж из списков пенсионеров вычеркнули и подавно. Так что самый настоящий бывший, и никак иначе. Удар молнии перевернул всю его жизнь и заставил начать новую, обеспечив его небывалыми регенеративными способностями, абсолютной памятью и немыслимой удачливостью. Впрочем, с последним можно было поспорить: все же удача — это несколько иная плос-

кость, — многие всерьез поговаривали о том, что сам Господь ведет Новака по жизни и управляет его рукой. Может, и так — уж больно много всего необычного приключилось с ним за это время.

Конечно, можно было жить и не высовываться, чтобы не навлечь на себя неприятностей в лице инквизиции. Он в принципе так и хотел поступить, но так уж сложилось, что незнание всех реалий этого мира влекло одну ошибку за другой. В его планы вовсе не входило совершать здесь революцию. Не нужно ему это. Он хотел просто спокойной и желательной безбедной жизни. Все получалось само собой.

Не мог он смириться с тем, что здесь не приняты были омовения, так как считалось грехом проявлять чрезмерную заботу о плоти. А что прикажете делать, если ты не привык ходить грязным и покрываться коростой, что здесь даже поощрялось! Вот и появилась в новом поселке, который он построил, банька. За ним потянулись остальные, и бани стали непременным атрибутом всех подворий в поселке.

Понадобилось большое количество досок для строительства домов. Господи, да какие проблемы! Немного мучений, приложили руки там, где надо, — пожалуйста вам, готовая пилорама.

Нужно проделать в доске или в металле отверстие? Зачем раскалять прут и прожигать дырку. Зачем раскалять заготовку и пробивать ее пробоем. Есть способ более быстрый и удобный: вот вам и ручная дрель появилась.

Наточить инструмент, а для этого не час сидеть и елозить бруском — есть способ более эффективный: точильный станок с ножным приводом.

И так во всем. Ну не хотел он привлекать к себе внимания или руть веками устоявшегося порядка — это получалось без его желания: он просто стремился немного облегчить свою жизнь и жизнь окружающих его людей. А как результат им заинтересовалась инквизиция, ибо Господь заповедовал чадам своим в тяжком труде добывать хлеб насущный, а все, что несет облегчение этого труда, — от лукавого.

Спасаясь от преследования инквизиции, он принял епитимью в виде годичной службы на опасной границе со степными орками. После этой службы Андрей намеревался окончательно влиться в нынешнее общество и больше не высовываться, прожив свой век со своей семьей, которая у него появилась. Но и тут не все слава богу. Как выяснилось, орки — не просто дикие племена: на юге, за бескрайними степными просторами, есть ГОСУДАРСТВА орков, имеющие тысячелетнюю историю, которые в настоящий момент практически уже объединены в одну империю, которая вот-вот может обрушиться на людей.

Последние события показали ему всю несбыточность его надежд на спокойное существование. Если он будет жить обычной жизнью и не пытаться ничего предпринять, то вскоре придут орки и все кон-

чится. Поступи он так — и тогда уподобился бы страусу, прячущему голову в песок, что не более как иллюзия безопасности: голова-то будет укрыта, но все остальное останется снаружи. Начни вводить новшества — и инквизиция спровадит его на костер. Ситуация патовая. А раз нельзя выиграть партию, придерживаясь общих правил, то придется эти правила менять.

По его просьбе Эндрю раздобыл детальную карту Кроусмарша. Конечно, карта была больше похожа на план, составленный ребенком, но, судя по всему, Кроусмарш прекрасно подходил для исполнения задуманного. А именно — там можно было уединиться и попытаться создать то, что сможет стать козырем в борьбе с нависшей угрозой со стороны Южной империи, или, как он теперь знал, Закурта.

Конечно, все это было весьма трудно осуществимым, но и утопией это намерение назвать нельзя. Для того чтобы отгородиться со стороны орков, достаточно было возвести сильный замок. Та еще задачка в условиях, когда орки столь ревностно пекутся о единственном проходе с берега Яны на десятки миль вокруг. Люди уже не раз пытались поставить там крепость, но всякий раз это заканчивалось большим набегом и полным уничтожением того, что они успели построить. Наличие маленького форта орков вполне устраивало. Люди больше не пытались возвести там укрепления, орки форта не трогали.

Казалось бы, абсурдная ситуация, но все имеет свое объяснение. Удерживать Кроусмарш ни одно племя орков не могло, но и позволить себе лишиться удобной лазейки для набегов тоже не входило в их планы. Форт, конечно, был помехой, но орки умели быть незаметными, так что, дождавшись темной ночи, небольшие отряды скрытно проникали мимо гарнизона и умудрялись так же скрытно уйти с добычей. Иногда их обнаруживали и обстреливали из луков и арбалетов, орки несли какие-то потери, но за все нужно платить — и в целом пользоваться лазейкой было выгодно. Вот такой вот своеобразный статус-кво.

Кроусмарш принадлежал сэру Свенсону, маркграфу Йоркскому, позиции которого были весьма сильны, но только укрепление региона была чисто его проблемой, в которую король не хотел никак вдаваться. Хотя, казалось бы, чего уж проще. Отправить в Йорк дружину, которая формально была Йоркской да и содержалась за счет маркграфства, считаясь по праву лучшим воинским подразделением королевства. С ее помощью граф накрепко перекрыл бы проход, и под ее прикрытием довольно быстро возвели бы укрепления, благо в строительных материалах, как было известно Андрею, недостатка не было. Однако король предпочитал только содержать эту дружину за счет маркграфства, но оказывать помощь не собирався, оставляя этот вопрос на откуп самого владельца. Тот же в свою очередь не имел в достаточной степени денежных средств для того, чтобы провернуть все самому, так как маркграфство считалось в выгодном положении от-

носителем остальных и несло непомерную налоговую повинность. В общем, замкнутый круг, коего не удавалось разорвать уже не один десяток лет. Как следствие, Кроусмарш был абсолютно незаселенным, людей там не было, кроме гарнизона форта, разумеется.

Время, проведенное Андреем на границе со степью, не прошло для него бесполезно. Его отряд провел год в постоянных стычках с орками и был весьма удачлив, так что одной только добычи было взято предостаточно. Но не это главное. Пойдя на поводу своего друга и купца, Новак влез в авантюру с солью, и это принесло довольно ощутимый заработок. Он стал обладателем весьма солидной суммы, так что то, что было непосильной ношей для маркиграфа, для Андрея теперь было вполне осуществимо. Трудно, опасно, дорого, но осуществимо.

— Папа, давай я все же заберу Ричарда.

— С чего бы это, — встрепенулся старик Вайли и вцепился во внука так, словно внучка собирались забрать у него навсегда. — Анна, я просил тебя оставить нас, нам нужно поговорить с зятем.

— Но...

— Ричард нам абсолютно не мешает. К тому же он тоже мужчина, и наши разговоры ему полезны, а вот женщин мы попросили удалиться.

— Да какой он мужчина, — улыбаясь, попробовала возразить отцу Анна.

— Ну уж не женщина, это точно. Все, уходи. Ричард, маленькая bestия, я тоже тебе не чужой... — Маленький Ричард увидев мать, стал усиленно рваться из рук старика и потянулся к ней, а ввиду того что цепкие руки деда и не думали передавать его ей, он воспользовался своим единственным пока доступным оружием — и кабинет мэтра Вайли огласился детским плачем. — Вот видишь, что ты наделала.

— Мэтр, отдайте вы его, — встал на сторону жены Андрей.

— И ты туда же?

— Просто он теперь не успокоится, по своему опыту знаю.

— Вот еще. Все, Анна, уходи. Дай нам наконец поговорить.

Скользнув обеспокоенным взглядом по отцу и сыну, она посмотрела на мужа, тот в свою очередь ободряюще улыбнулся и показал, чтобы она ушла. Безнадежно махнув рукой на столь махровый мужской шовинизм, она вышла из кабинета.

Беседа прервалась, и, как думал Андрей, надолго. Уж он-то успел узнать своего сына довольно хорошо. Малец отличался завидным упрямством и всегда добивался своего. Но недаром говорят, что деды и бабки — это другая ипостась, и они подчас лучше родителей способны поладить с внуками: возможно, дети просто чувствуют, что те не пытаются их воспитывать, а просто любят. Вот и Ричард сначала вредничал и все пытался вывернуться из рук деда, но совсем скоро

успокоился и начал сосредоточенно копаться в дедовой бороде, тот же в свою очередь озарился счастливой улыбкой.

— Не думаю, что это хорошая идея, и тем паче хорошее вложение денег, — продолжил прерванный разговор брат Анны Рем. — Ты можешь получить надел на юге, и это будет куда безопаснее, чем Кроусмарш. Можешь купить землю в центральных областях, потратив такую же сумму, которая понадобится тебе для того, чтобы поднять Кроусмарш. В конце концов, за куда меньшие деньги маркграф может уступить тебе Новак. Село уже обустроено, поля возделаны. Анна прожила там уже два года, и ей там нравится. Зачем все менять?

— Ты рассуждаешь сегодняшним днем, Рем. А я смотрю в перспективу.

— Хороша перспектива — оказаться в орочьем котле, — хмыкнул Рем.

— Ну в котел нас нужно будет еще засунуть, а я не намерен этого допускать. Это во-первых. Во-вторых, земли там так много, что я вполне смогу основать графство и сам стать графом.

— А баронами посадишь своих людей?

— Именно. Бои нам предстоят жаркие, так что у них будут все шансы обзавестись орочьими браслетами и получить рыцарскую цепь. Я же за верную службу одарю их землей.

— Отец! Ты-то чего молчишь?!

— Я пока слушаю, — в очередной раз улыбнувшись внуку, проговорил старик.

— Эндрю, а ты?

— А что я, — развел купец руками. — Я сам подсказал в свое время эту идею Андрэ. И, в отличие от тебя, не считаю ее глупой.

— Думаешь о том, сколько сможешь заработать: ведь у тебя будет приоритет на землях твоего друга?

— Вот только не надо. Я, конечно, купец, но о каких особых выгодах ты говоришь, если там и народу-то нет?

— Но, если удастся то, что задумал мой зять, — люди в скором времени появятся. Земли там и впрямь хороши, и их много.

— Я тоже так думаю, — улыбнулся Белтон. — Вот тогда-то и можно будет подумать о прибылях. А пока я ссуживаю Андрэ деньгами, причем без каких-либо процентов. Хотя у него и своих денег хватает, но слишком много денег не бывает. А ты-то чего взъерился? Тебя-то он не просит об участии в этом предприятии, он просто ставит вас в известность.

— Ты издеваешься. Ты что же думаешь, что, кроме денег, меня в этом мире ничто не интересует? — завелся Рем. — Он — муж моей сестры, отец моего племянника и будет рисковать не только своей головой, но и их тоже. Я слишком хорошо помню, что творилось с Анной до их женитьбы. Что же с ней станет, если он погибнет? Это еще при условии, что она останется дожидаться положительных перемен

в отцовском доме, но я сомневаюсь, что она не последует за мужем. Отец, ты-то вмешаешься наконец?!

— Рем, не надо так кричать. Тебя расстроили слова Эндрю. Понимаю. Но ты сам в этом виноват, потому что всегда в первую голову смотришь на выгоду. Вот и складывается у людей мнение, что деньги для тебя стоят на первом месте. Ведь и Эндрю ты в первую очередь попрекнул стремлением его получить выгоду.

— Да...

— Рем, раз уж попросил старика вмешаться, то помалкивай.

— Прости, отец.

— Все мы знаем, что мнение о тебе как о денежном мешке ошибочно и ты сам поддерживаешь его среди окружающих. Понятно, что так проще делать дела. Но ты уж успевай перестраиваться, когда говоришь в кругу семьи и друзей. Эндрю, Андрэ, я надеюсь, вы не подумали о моем сыне ничего предосудительного?

— Нет, конечно, — тут же отозвался купец.

— Что вы, мэтр, — поспешил поддержать друга Андрей.

— Вот и ладно. Теперь самое главное. Андрэ, Анна знает о твоём намерении?

— Да, мэтр.

— Ну? Мне что, все клещами из тебя тянуть?

— Я имел с нею непростой разговор, — правильно понял тестя Андрей. — Она наотрез отказывается оставаться у вас. Мы ведь собираемся переселяться туда практически всем селом. В Новаке останутся только люди маркграфа — все остальные выказали желание отправиться со мной, даже вдовы погибших. Анна говорит, что не след жене их сюзерена оставаться в безопасности.

— Это только отговорка, — вздохнул старик. — Сдается мне, главная причина в том, что она столько пережила, пока ты был в степи, что теперь боится с тобой расстаться хоть ненадолго. Не нужно краснеть. Моя дочь тебя любит всем сердцем и душой, а потому пойдет за тобой куда угодно. Ты это знаешь, и мы это знаем. Но ты собираешься идти в Кроусмарш. Туда, где уже пятьдесят с лишним лет люди никак не могут закрепиться, хотя и изгнали орков. Анна пойдет за тобой. Мало того — и сына возьмет с собой, потому как она не сможет оставить в безопасности свое дитя, пока дети твоих вассалов подвергаются опасности. И это мы все знаем. Так вот теперь скажи, стоит ли это твоего решения? Нет ли иного выхода?

— Иначе я поступить не могу.

— Не хочешь объяснить почему?

— Нет, мэтр. Не сейчас.

— Ты во что-то влез, и вам с Анной и Ричардом все одно угрожает опасность? Я правильно понимаю?

— В некотором роде.

— Инквизиция.

При этих словах Рем, не отдавая себе отчета, перекрестился, Эндрю сжал челюсти, катая желваки, а Андрей невесело ухмыльнулся.

— Я не искал неприятностей, но они сами нашли меня.

— Этим ты обезопасишь себя и семью?

— Да, мэтр.

— Тебе нужна помощь?

— Пока только ваше понимание, ну и, разумеется, приданое Анны.

— Эти деньги — Анны, а значит, и твои. Вы получите их по первому требованию. Рем...

— Я все понял, отец.

— Вот и решили. Пойдемте обедать. Так как, Ричард, не пора ли уже начать топтать ножками?

— Он упирается, — улыбнулся Андрей, — предпочитает передвигаться сидя, но делает это весьма сноровисто.

— Это я заметил, но пора уже становиться на ноги.

— Бесполезно, мэтр. Придет время — и сам пойдет.

— Нет, он пойдет еще до того, как вы уедете. Ну что, Ричард, покажем им, на что мы способны?

— Гы! — Это «гы» прозвучало как-то очень уж решительно, и дед поставил внука на ножки, ободряюще улыбнулся и отпустил. Карапуз какое-то время стоял покачиваясь и озираясь в поисках опоры, но, не находя ее, растерялся. Ближайшей опорой был вставший на колени в отдалении дед, который манил его к себе, но не торопился протянуть к нему уже ставшие привычными руки. Маленький Ричард постоял некоторое время, раскачиваясь из стороны в сторону, стараясь удержать равновесие, и вдруг, осветившись радостной улыбкой, весело гыкнул и, почему-то избрав своей целью Андрея, бодро семеня ножками, устремился к отцу, хотя до него было куда дальше. Преодолев три метра, отделявшие его от отца, и едва не упав, он вцепился в его колени и вновь радостно гыкнул.

— Ну вот, никакой тебе благодарности, — крихтя, поднялся на ноги мэтр Вайли. — Шельмец ты эдакий. Это я поверил в то, что ты пойдешь, а не твой папаша, — так что же ты к нему-то побежал?

Задорно засмеявшись, осмелевший Ричард отпустил колени обнимающего его отца и, избавившись от его опеки, быстро перебирая ножками, как спринтер рванул к деду. Вцепившись в его колени, малец задрал голову и, глядя в глаза старика, заливисто заверещал, выказывая таким образом переполнявшие его чувства.

— Ну слава тебе господи, вспомнил, — по-стариковски добро улыбнувшись, обрадовался дед.

Вновь вошедшая в кабинет Анна — на этот раз ее привлек радостный гомон — застала душещипательную картину. Четверо взрослых, встав квадратом, заигрывая с ее Ричардом, словно дети малые, подмигивали его каждый к себе, а малец, азартно вереща от переполнявших

его чувств, быстро перебирая ножками, метался от одного к другому, без какой-либо системы и порядка, в общем, как душа ляжет. При виде начавшего ходить сына у Анны разлилось по груди тепло и охватила гордость за мальчика, который наконец решил сделать свои первые шаги в этом прекрасном и в то же время опасном мире.

— А вот и мама. Анна, а наш сорванец-то пошел.

— Да, папа, я вижу, — умиленно улыбаясь, проговорила она.

Услышав ключевое слово «мама», а затем и родной голос, Ричард повернулся к ней и, весело вереща, рванул к ней, с ходу зарывшись лицом в ее юбку, из-под которой продолжал звучать, приглушенный тканью, его радостный крик.

— Ах ты, мой сорванец.

— Это точно, — авторитетно поддержал ее отец, — все ваши беды только начинаются. Ох и намаетесь, он вам еще подсыплет перцу. Правильно я говорю, Ричард?

— Папа, пора обедать.

— Идем, дочка. Мы уже закончили.

За то время, что прошло с момента последнего посещения Андреем, в кабинете сэра Свенсона ничего не изменилось. Сам хозяин кабинета тоже был все тем же. Темные до плеч волосы все так же обрамляли красивое благородное лицо с выразительными и умными глазами, вот только вроде морщин добавилось, впрочем, это Андрею могло и показаться: не столь часто он с ним общался.

— Ваше сиятельство...

— И я рад видеть вас, сэр Андрэ, — перебил Андрея маркиграф. — По случаю возвращения с границы вы мне уже представлялись. Что же вас привело теперь?

Андрей ничуть и не подумал обижаться или заострять внимание на том, что маркиграф его перебил. В конце концов, он был его сюзереном и стоял гораздо выше по положению в обществе. А еще Андрею импонировала привычка маркиграфа всегда брать быка за рога. Он мог продолжительное время хранить молчание, вникая в тот или иной вопрос, мог вот так сразу приступить к сути, но не любил светских бесед. Нет, конечно, скорее всего, в кругу своего общения он бывал и иным, Новак уверен, что так оно и было. Но здесь не тот случай. Андрей был его вассалом, но пока еще не успел стать соратником, не делил с маркиграфом трудностей не то что похода, а даже обычного перехода, так что сугубо деловой тон вполне устраивал Андрея и ничуть не задевал.

Другое дело, что, хотя он много раз прорабатывал ход разговора с сэром Свенсоном, он так и не решил, с чего начать. А потому начал сразу с сути. В конце концов, хозяин кабинета сам сразу задал деловой тон разговора, так чего стесняться-то.

— Ваше сиятельство, мне стало известно, что ваше владение Кроусмарш уже давно выставлено на продажу. Не устарели ли эти сведения?

— Вот так вот, сразу?

— Сэр...

— Все нормально, сэр Андрэ. Просто, признаться, я думал, что слегка огоршу вас своим вопросом. Но, как вижу, с вами этот номер не прошел. Наверное, это отличительная черта всех рыцарей, вышедших из низов, — нахрапом переть к своей цели, вот и покойный сэр Ричард Рэд был таким же.

При этих словах Андрей внимательно посмотрел на своего собеседника: с одной стороны, дерзость по отношению к своему сюзерену, но он хотел знать, с какой целью маркиграф помянул убитого Андреем рыцаря. Маркиграф выдержал его изучающий взгляд спокойно, никак не прореагировав на дерзость, и Андрей опустил взгляд. Похоже, никакого скрытого смысла в словах сэра Свенсона не было, он просто привел пример. Ну что же, оставалось только продолжать:

— Так как насчет Кроусмарша, милорд?

— А никак. С этим вопросом все обстоит так же, как и десять, и двадцать, и тридцать лет назад. Владения выставлены на продажу, но желающих приобрести их все еще нет. Сэр Ричард был первым и последним, кто хотел их приобрести. Я так понимаю, что у нас нашелся новый соискатель на баронскую корону.

— Если вы не посчитаете это дерзостью.

— Не посчитаю. Но вот вопросы задам, если вы не против, сэр Андрэ.

— Готов ответить на любые.

— Ну в этом-то я как раз и не сомневаюсь. Раз уж вы умудрились предстать перед трибуналом инквизиции и не испугались правдиво и смело отвечать на их вопросы, то перед своим сюзереном и подавно не ступаетесь. Итак, сэр Андрэ, два с половиной года назад вы отказались стать землевладельцем, заявив, что у вас нет денег для приобретения надела, и отказались от рыцарской цепи, хотя и имели на нее право. Что изменилось?

— Ну причина, почему я решил все же надеть рыцарскую цепь, вам известна. Инквизиция.

— Продолжайте.

— Что же касается денег, то служба на границе как очистила меня в глазах нашей Церкви, так и наполнила мой кошелек звонкой монетой.

— Я слышан и о приданом, и о трофеях, и о соляном походе. Вы, оказывается, авантюрист.

— Скорее подвержен влиянию близких людей с авантюрной жилкой.

— Это вы об Эндриу Белтоне?

— О ком же еще, ваша светлость. Уж и не знаю, благодарить мне судьбу за то, что она сблизила меня с ним, или, наоборот, выказать свое недовольство этим, но пока все авантюры, на которые он меня толкал, шли мне на пользу.

— Должен заметить, что и ему тоже. Ну что же, пока принимается. А почему Кроусмарш? Вы, наверное, можете себе позволить покупку и куда более безопасных земель.

— Конечно, но эта покупка лишит меня практически всех средств.

— Возможно, у вас даже не останется свободных средств вообще, — согласился с ним маркграф. — Но вы получите владения в относительно спокойном месте. С разбойничьими же шайками и рейдерскими орочьими отрядами вы вполне сможете справиться сами, опыт и в том и в другом у вас большой. Кроусмарш также опустошит ваш кошелек, но место не в пример опаснее, и никаких гарантий. Так почему именно Кроусмарш?

— Риск есть, и немалый, вы правы. Но также вы правы и в том, что у меня поднакопился кое-какой опыт в решении проблем, создаваемых орками, а на кону оказывается большой барыш. Эти владения по большому счету потянут на графство.

— Значит, вы не хотите быть простым бароном, вам хочется стать графом.

— Вы находите это предосудительным?

— Нет. Но графскую корону вы сможете получить только из рук короля, а это весьма непросто. К тому же вам понадобятся вассалы из числа рыцарей. Впрочем, не думаю, что здесь у вас возникнут проблемы. Как только вам удастся закрыть проход, от желающих присягнуть вам у вас не будет отбоя. Но вот только боюсь, что все они нищи, и вам самому придется озаботиться строительством замков, они же смогут быть не более как арендаторами или же зрителями ваших же замков. Дорогое удовольствие.

— Можно пойти и иным путем, ваша светлость.

— Сделать рыцарями воинов своей дружины?

— Кроусмарш не отличается спокойствием, так что заполучить двадцать браслетов возможности будет.

— Или сложить голову. Вы думаете, почему так мало тех, кто получает таким образом рыцарскую цепь?

— Потери неизбежны, сэр. Но и приз немалый. К тому же какой бы большой территорией ни являлся Кроусмарш, двадцать баронов — это все же многовато.

— Вы действительно готовы одарить ваших воинов землей? Роскошь, не всегда доступная даже королям.

— Кто говорит об одаривании? Земля может быть предоставлена в рассрочку.

— Целое графство с баронами и даже графом, вышедшими из низов? Вы еще больший авантюрист, нежели Белтон.

— Я ведь буду только рад, если кто из рыцарей решит присоединиться ко мне...

— Да только желающих не предвидится: слишком хорошо известно, что собой представляет Кроусмарш, — задумчиво перебил его маркграф.

Пауза затянулась, но Андрей не смел прервать раздумий сюзерена. О чем же думал этот умудренный опытом человек, по его виду понять было невозможно. Сэр Свенсон уставился в одну только ему ведомую точку и словно отрешился от мира сего. Молчание длилось не менее минуты. Наконец, придя к какому-то решению, маркграф перевел внимательный взгляд на Андрея и, кивнув своим мыслям, заговорил:

— Я согласен уступить вам Кроусмарш за тысячу цехинов.

— Но...

— Вас не устраивает цена?

— Нет, ваша светлость. Цена меня устраивает, — сказал он, переборов свое желание напомнить о том, что до последнего времени цена была куда более символичной — всего-то сто золотых. Правда, новую цену тоже нельзя было назвать завышенной, она также была символичной, если учесть, какой кусок был на прилавке, но это уже непредвиденные расходы. Андрей лишался сразу девяти сотен золотых, и это притом что таких вот незапланированных расходов будет еще много. Не разориться бы раньше времени.

— Ну что же, если с ценой мы утрясли, перейдем к деталям. Итак. Вы получаете пять лет послабления в налоговом бремени. В то же время Кроусмарш ложится целиком на ваши плечи. Иными словами, защита этих земель — полностью ваша забота, и в то же время это ваша служба. Отсюда следует, что за каждый прорыв орочных отрядов вы будете отвечать лично. Ввиду того что вам придется перекрыть незначительный участок, спрошу весьма серьезно. Вопросы?

— Ваша светлость, нельзя ли сделать так, чтобы я вступил во владение землей с мая месяца? Тысячу золотых я готов внести уже сегодня, — поспешил заверить его Андрей.

— Для чего же вам нужна отсрочка?

— Зимой строительство каменных укреплений будет сильно затруднено, а строить придется быстро. Насколько мне известно, орки не больно-то приветствуют возведение укреплений в Кроусмарше.

— Да, это так. Но для чего же вы пришли ко мне сейчас? Дождались бы весны.

— Чтобы в последний момент узнать, что опоздал и земли уже проданы?

— Эти земли уже больше пятидесяти лет под рукой моей семьи, но хозяин для них до сих пор не нашелся. Что решили бы какие-то три месяца?

— Всегда может что-то случиться в последний момент.

— А до конца апреля, я так понимаю, службу в Кроусмарше должны нести мои люди? — В ответ на эти слова Андрей только потупился. — Хорошо. Но обеспечение гарнизона полностью пойдет за ваш счет.

— Благодарю вас, ваша светлость, — не скрывая радости, проговорил Андрей. Что и говорить, он был готов к тому, что маркграф либо откажет, и тогда придется искать наемников, либо затребует дополнительную плату за службу его людей, а обеспечить провизией и фуражом маленький гарнизон в течение трех месяцев — это не так уж и дорого, наемники обошлись бы куда дороже.

— Мой казначей подготовит все необходимые документы уже к завтрашнему утру. Утром же внесете нужную сумму. Если у вас все, то можете идти.

— Благодарю вас, ваша светлость.

— Что-то еще?

— Я ведь у вас на службе?

— Фактически так и есть.

— Не могу ли я принять командование гарнизоном форта с первого апреля?

— Вообще-то это будут уже ваши земли. Понимаю. Хотите познакомиться с особенностями местности и службы. Что ж, принимается. Но только если опоздаете, спрошу по всей строгости.

Прижав кулак правой руки к левому плечу и коротко поклонившись, Андрей четко развернулся и покинул кабинет, уже не видя того, как маркграф провожает его внимательным и задумчивым взглядом.

Сэр Андрэ по-прежнему оставался для него загадкой. Несмотря на то что за прошедшее время он поднаторел в самообладании, сэр Свенсон читал его как открытую книгу, но вместе с тем постоянно ловил себя на мысли, что при всей открытости и при всей обширной информации, которой обладал о нем маркграф, а она была куда более полной, нежели обладала даже инквизиция, сэр Андрэ Новак, а с завтрашнего утра еще и барон Кроусмарш, оставался неразрешимой загадкой. Впрочем, весьма возможно, что уже сегодня он будет знать куда больше. В самое ближайшее время он ожидал отчета своего осведомителя при сэре Андрэ и очень рассчитывал на то, что вопросов после этого станет куда меньше.

Сэр Свенсон все еще пребывал в задумчивости, когда в дверь постучали, а затем в кабинет вошел старый дворецкий. Если граф и мог себе позволить некоторую вольность в одежде или общении, этот старик не терпел подобного и всегда был аккуратен в одежде и вел себя степенно, преисполненный чувства собственного достоинства. Он фактически являлся лицом этого дома и, казалось, больше хозяев пекся об их авторитете, приличиях и чести семьи.

Извечная проблема замковых слуг, служивших своим господам не одно поколение. Преисполненные достоинства, они с честью представляли дома своих господ, и нередко самим господам доставалось от них на орехи, и те терпеливо сносили нападки собственных слуг. Причем это отнюдь не относилось именно к дворецким. Конюх вполне мог попенять за нерадивое отношение к животному, егерь — вставить крепкое словцо за неуклюжесть на охоте, тем паче если это могло бы привести к травмам, кухарка — не особо стесняясь, проворчать все то, что думает о господах, питающихся нерегулярно и абы как, ключница — пройтись по поводу изодранной одежды, и так каждый из слуг, кто поколениями служил в данном замке. Особая статья — кормилицы: эти не стеснялись при случае даже отвесить подзатыльник нерадивому великовозрастному дитяти, а дамам так и вовсе пройтись по мягким местам, правда, это никогда не происходило при посторонних. Все эти ворчания и попреки воспринимались дворянами вполне терпимо, и нередко, чтобы ублажить прислугу, они соглашались со справедливостью замечаний и не приказывали, а просили не ворчать. Казалось бы, абсурд. Но все имеет свою цену. Никогда и никому другому прислуга не позволит в своем присутствии плохо отозваться о господине и тут же поставит распоясавшегося на место. Не было еще случая, чтобы кто-то из этих слуг предал своих господ или стал бы наушничать на них. Если вдруг наступал такой момент, то эти слуги без раздумий готовы были сложить за своих господ голову, и не потому что этого от них требовал долг, а потому что искренне их любили.

— Сэр. Обед подан.

— А что, уже время обеда?

— Да, сэр.

— Странно. Ко мне никто не просился на прием?

— Да, сэр. Ветеран Джеф Длинный Лук.

— Где он?

— Ожидает приема во дворе.

— И когда ты собирался сообщить о его приходе?

— После обеда, — проигнорировав недовольство господина, спокойно ответил старик.

Маркграф едва сдержался, чтобы не высказать все, что он о нем думал, но вовремя остановился. Старый слуга не виноват, ему-то было и невдомек, что этого ветерана с нетерпением ожидает его господин, а потому он не видел необходимости нарушать распорядок дня. Ветеран? Не велика фигура, может и обождать, пока господин пообедает.

— Роберт, пригласи Джефа сюда.

— ...

— А пообедаю я после.

— Слушаюсь, сэр.

Так уж случилось, что по возвращении из степи Джеф так и не смог вырваться к своему сюзерену с докладом. В окрестностях села появилась какая-то шальная разбойничья шайка, и Новак, будучи сам обязан предстать пред ясны очи маркграфа, оставил Джефа руководить уничтожением шайки, а сам в сопровождении только одного воина прибыл в Йорк. До сегодняшнего дня ветерану не представилась оказия попасть в столицу маркграфства, и вот теперь он прибыл.

— Благодарю, ваша светлость, что приняли меня так быстро. Мое долгое отсутствие не может остаться незамеченным.

— Я так и понял. Присаживайся, Джеф. Я так понимаю, что за это время произошло много всего, и рассказ будет не из коротких?

— Это точно, ваша светлость.

Весь рассказ ветерана маркграф прослушал молча, не задавая никаких вопросов. Он молчал и тогда, когда Джеф рассказывал о новом оружии, и когда тот поведал о нравах степных орков и их отношении к людям, не перебил он говорившего и тогда, когда речь зашла об Империи. Хотя все это представляло для него живой интерес. По мере рассказа маркграф только мрачнел на глазах, все больше погружаясь в себя.

— Вот, собственно, и все, ваша светлость. — Наконец рассказ был окончен, и Джеф, глубоко вздохнув и переведя дух, подвел черту под вышесказанным.

— Не скажу, что у меня нет вопросов, — все так же задумчиво проговорил сэр Свенсон. — Как повели себя эти самые карабины?

— Убойная штука, — скривившись, коротко высказался ветеран.

— Я это понял по твоему недовольному виду. Все еще грезишь длинным луком, Джеф? Судя по тому, какие потери вы сумели нанести оркам, оружие действительно хорошее, но меня интересуют не достоинства, их ты описал, а недостатки.

— Есть и недостатки, куда без них. Очень боится пыли, чистить нужно, почитай, каждый день, но это там, в степи, там пыль всюду, здесь можно и пореже. На сильном морозе точность стрельбы падает, но после пары выстрелов все становится на свои места. Баллоны нельзя перекачивать, иначе могут лопнуть и покалечить, — несмотря на то что сэр Андрэ особо обращал на это внимание, у нас был один несчастный случай. Воина спасло то, что он был в полном облачении, а еще то, что когда разорвало баллон, кусок, ударивший его, был большим и ударил плашмя, иначе его разрезало бы, а так обошлось, правда, месяц он был не боец и едва мог дышать. Медик сказал, что сломано два ребра. Сэр Андрэ разобрал один из баллонов и объяснил, что те изнутри проржавели, а потому металл не выдержал.

— Серьезный недостаток, если учесть, что в степи куда суше, чем здесь, и оружие прослужило меньше года.

— На самом деле нет, милорд. Недостаток уже устранен, теперь эти баллоны способны служить гораздо дольше. Грэг лудит их изнутри оловом, а олово и само не ржавеет, и воду не допускает к стали.

— Ясно. Что еще?

— Насос, ну чем закачивать воздух в баллоны, большой и неудобный, в походе под него нужно чуть не отдельную повозку. Ну и самое главное, оружие получается очень дорогим.

— А сильно отличается от того оружия, что сэр Андрэ принес с орочьей стороны?

— Очень, ваша светлость. То оружие куда серьезнее, эти карабины, конечно, лучше арбалетов, хотя и уступают по надежности, но то оружие и сравнивать нельзя. В чем-то они сильно похожи, но и отличаются очень сильно.

— Ну это не суть важно, того оружия уже нет.

— С чего бы это, сэр?

— Разве инквизиция не отобрала у него его оружие?

— Отобрала, конечно, да только он отдал лишь то, которое видели при нем, а есть еще, и оно хранится в тайнике. Так что на всякий случай он имеет еще несколько штук этого чудного оружия и патроны эти — он отдал не все.

— Интересно. А что, он и правда не может сделать эти самые патроны?

— Нет. Он сильно сокрушался из-за этого, но поделаться ничего не может.

— Ясно. Теперь об Империи и ее армии. Что, они действительно так хороши? Меня, признаться, несколько озадачил твой вид, когда ты говорил о них.

— Великолепная выучка, сэр. Нам такого не добиться.

— Ну не надо так принижать наши способности, мы тоже не степные орки и всегда били их.

— Это просто нужно было видеть, сэр. Такого не добиться одними только тренировками, это настоящий боевой опыт. К тому же сэр Андрэ говорит, что мы видели только одну небольшую схватку, и уверен, что у них в запасе хватит сюрпризов, и я ему верю.

— А стоит ли МНЕ верить ему, Джеф? — Сэр Свенсон вперил в ветерана внимательный взгляд.

— Конечно, сэр, — не задумываясь, выпалил ветеран. — Я так говорю не только потому, что провел с ним в боях и походах весь последний год. Не знаю, как это объяснить, но он весь как на ладони, у него нет притворства, и если уж он дал слово, то будет держать его.

— Сегодня он явился ко мне с целью выкупить Кроусмарш. Хочет стать графом.

— Я знаю, зачем он приходил к вам. А графская корона... Не нужна она ему. А потом, вы ведь и сами подумывали о том, чтобы посадить его в Кроусмарше.

— Да, хотел. И если бы он сам не рвался туда, то был бы рад этому, потому как не сомневаюсь, что над ним распростер свою длань Господь наш. Но то упорство, с которым он сам рвется в этот опасный край, настораживает. Я пообещал ему продать Кроусмарш и выправить документы уже завтра, но все еще можно переиграть. Я решил сначала побеседовать с тобой. Так почему Кроусмарш?

— Потому что он хочет подготовиться к встрече с войском Империи, а там можно это делать вдаль от наблюдателей инквизиции. Он боится, что если они проведуют о том, что мы знаем о Южной империи, то нас всех ждет костер.

— И правильно опасается. Но соглядатаев они все одно приставят.

— Сэр Андрэ говорит, что с этим он как-нибудь справится. Главное, что Кроусмарш можно изолировать от остальных и в тиши подготовиться к встрече с врагом.

— Да с чего он взял, что Империя вообще сунется сюда?

— Может, и не сунется. А если он окажется прав? Я не говорю, что они нас разобьют и захватят, но отбиться от них будет ох как непросто, кровью умоемся и весь цвет воинства положим.

— Так, значит, ты советуешь отдать ему Кроусмарш?

— Да, сэр.

— А ну как он со своим оружием возжелает власти? Сила-то выйдет серьезная.

— Да не нужно ему этого. Он и рыцарем-то не хотел быть, да выбора ему не оставили. Если он и возжелает корону, то не для себя, а для вас.

— С чего бы это? — Маркграф настолько удивился, что забыл даже следить за собой, и все его удивление отразилось в его облике.

— Бегаешь ты от власти как дьявол от мессы. Говорит, что из вас получится бы хороший король, не чета нынешнему, и если вы пожелаешь корону, то поможет вам в этом. А сейчас он хочет просто спокойной жизни. А готовит оружие потому, что, говорит, если хочешь мира, то готовься к войне — мол, если за тобой сила, то и трогать тебя поостерегутся.

— Трудно с этим спорить. Хорошо. Можешь идти. И не смотри на меня так. Завтра внесет деньги и получит свой Кроусмарш, как и договаривались. А ты там смотри. Да, и о том, что тут рассказывал, ни слова, ни намека.

— Что ж я, дите неразумное?

— И еще. Ты как-нибудь из него дурь насчет королевской короны-то выбивай. Наш род из века в век преданно служил королевскому дому, и иного не будет. Не то дойдут его рассуждения до короля, мне потом ввек не отмыться — глядишь, еще и заговор какой придумать, доброжелателей хватает. Ладно, ступай.

В ответ ветеран только кивнул — мол, понял все, сделаем — и, отдав салют, быстро покинул кабинет.

Двор встретил его колючим морозом, тут же вцепившимся в его нос и щеки. Радовало то, что хотя бы ветра не было, иначе при таком-то морозе удовольствие не из приятных. Поправив воротник полушубка и посильнее нахлобучив треух, Джеф бодро зашагал со двора. Он не пытался скрываться и не опасался того, что кто-то увидит его выходящим со двора замка. Как-никак двадцать пять лет отслужил в дружине маркграфа. Знает практически всех воинов и практически со всеми побывал в переделках. Разве только мясо посматривало на него несколько недоумевающе — почему посторонний свободно перемещается по замку, — но если бы они услышали имя этого постороннего, то вместо вопросительных взглядов тут же появились бы любопытные. Имечко он себе все же за эти годы заработал.

На площади Джеф заметил с десяток горожан, которые грузили на сани с вместительным коробом уже собранный в кучи снег. Снег — это дело такое. Если его не убирать вовремя, то в скором времени по улицам будет ни пройти ни проехать. Так что в каждом квартале была установлена очередь по очистке улиц, спрос же был со старших, коих назначал городской совет.

В зимнюю пору в город на заработки приезжало много крестьян, у которых страда осталась позади и, по сути, делать дома было нечего. Конечно, горожане за уборку снега вместо своей очереди много не заплатят, но все лучше, чем бока отлеживать. Впрочем, были и такие, куда же без них, но эти лежебоки не больно-то трудились и в страду, потому и жили беднее некуда, и голод к ним стучался чаще, и на кладбище родных свозили почаще остальных.

Было уже далеко за полдень, и в скором времени на город должна была опуститься ранняя в эту пору темень, но часа два светлого времени еще оставалось, а потому торопиться особо было некуда. Джеф и не торопился, с удовольствием вдыхая морозный воздух.

«Бойцовый петух» встретил его теплым и в то же время спертым воздухом, насыщенным парами вина и эля, а также запахами из кухни. Посетителей хватало, приближался вечер, и люди тянулись к теплу, ну и к чарке-другой чего-нибудь горячительного, а как же без этого.

Джеф окинул взглядом заполненный разным людом зал и в углу заметил сэра Андрэ в компании троих мужчин, по всему виду, мастеровых. За соседним столом сидел весь десяток бойцов, которые сопровождали чету Новак в этой поездке. Сэр Андрэ не захотел злоупотреблять гостеприимством тестя и расположил людей в гостинице — сам он остановился у мэтра Вайли, только деловые встречи проводил здесь. Даниэль, владелец гостиницы, не мудрствуя лукаво, зарезервировал эти столы за постояльцами, так что если они спускались в зал, то даже завсегдатаи быстренько выпроваживались на другие места. Хозяин гостиницы даже предлагал сэру рыцарю известный кабинет для деловых переговоров, но Новак отказался, так как ниче-

го секретного в своих разговорах не видел, а если кто что услышит, так беды не будет. Пусть разносится весть о том, что по весне намечается неплохой шанс подзаработать, вот только работать придется в столь интересном месте, что лучше будет, если узнает об этом как можно больше людей, иначе достаточного количества желающих можно и не набрать.

Новак кивнул подошедшему к столу Джефу и, не прекращая говорить, указал на скамью подле себя.

— ...Мастер Лукас, вы меня знаете, внакладе я не останусь и заплачу все сполна. Разве я не расплатился честь по чести два года назад?

— Что вы, сэр Андрэ, — замахал руками старик. — Я и в мыслях этого не держал. Коли вы сказали, что заплатите втрое, то так оно и будет. Я не о том. Ведь это Кроусмарш. Гиблое место. В последний раз, когда там хотели возвести крепость, из рабочих спасся едва каждый десятый. Я тогда в ученичестве был, так спасибо моим молодым ногам, а учитель мой так и сгинул.

— Но я гарантирую безопасность. Там будет моя дружина, люди маркграфа, да еще и наемники.

— А тогда что ж, никого не было?

— Хорошо, поставим вопрос по-другому. Вместе со мной туда отправляется моя семья. Как вы считаете, дорожу я ими или нет?

— Дак верю я вам. И вы сейчас верите тому, что говорите. Но орки-то — это дело такое...

— Мастер Лукас, ну скажите, неужели никто не захочет за один сезон заработать столько, сколько сможет только за три? И ведь одним сезоном дело не обойдется. Как только обезопасим проход, то развернется остальное строительство. В первый же год развернется как минимум строительство еще одной деревни, и все это по тройной цене. И на будущий год строить тоже будем, люди потянутся, я уверен, а значит, и строить нужно будет много, а вы со своими людьми уже будете наняты, и с другими мастерами я и разговаривать не стану.

— И тоже втрое?

— Э-э нет. Цена уже будет обычной. Но насколько я знаю, многие без работы сидят и в разгар сезона, а тут и голову ломать не надо — работа уже будет вас ждать, а если сумеем достаточно лесорубов собрать и подготовить лес, то строительство и зимой будем вести. Да кто еще может предложить столько работы?

Да-а, картина была та еще. Рыцарь уговаривает мастеровых поработать, да при этом еще и обещает с три короба, лишь бы заинтересовать их. Да где такое видано? При таких объемах вокруг работодателя должна была виться целая куча мастеров и, подобострастно кланяясь, расхваливать свое мастерство и умолять сэра рыцаря нанять именно их. Но Кроусмарш был особым местечком. Туда мастеров нужно было заманивать, да еще и уговаривать, как выяснилось.

• Еретик •

Глава 1

БАБКА АРИЯ

— Кто там? — Голос старухи Арии звучал глухо и надтреснуто. В нем чувствовались страх и напряжение. Было отчего.

Еще с утра по селу пошли нехорошие разговоры о том, что старая знахарка не просто лекарка-травница, повитуха и во всех болезнях сведуща: она, оказывается, колдунья и навела порчу на невестку старосты, вот та и занедужила, разродившись мертвым ребенком, да и сама богу душу отдала.

Об этом на всю округу трезвонил староста, поддерживаемый как своими близкими, так и близкими невестки. Оно и понятно — народиться должен был первый внук, и ведь мальчонка должен был появиться у старшего сына, только год назад оженившегося, да и сваты его тоже сильно убивались: покойница была их отградой, единственная дочь, среди четырех оболтусов взращенная. Были у них и еще дети — двое мальчонок и три девочки, да Господь прибрал невинные души еще в младенчестве. В общем, горе у людей, понятно. Но почему ее-то клеймить связью с нечистым?

Все бы ничего, такое уже было, и не единожды. Не всех удавалось вызволить из лап костлявой. Да только в этот раз, похоже, было так же серьезно, как и с ее дочкой, которую вознесли на костер за колдовство. А что она-то сделала? Вылечила бродяжку, прибившегося к ним совсем хворым, а тот, поди ж ты, оказался беглым еретиком. Вот и обвинили ее в пособничестве слуге сатаны: тот-де от гнева Божьего помереть должен был в горячке, а она, прислужница нечистого, своего соратника с того света-то и вынула, чтобы тот и дальше нес ученье сатанинское. А разве ж лекарка настоящая могла пройти мимо болящего да помощь посильную не оказать, если Господь ей дал силы и знания?

Тогда старуха попыталась в сторонке отмолчаться, дочке помочь не могла — сама бы сгинула, да все бы ничего, вот только внучка на ней осталась. Кто о сиротке позаботится, кому она нужна, коли и мать, и бабка инквизицией за колдовство казнены? Хотела отмолчаться, да только и ее к ответу призвали. Она тогда глянула в скорбные

глаза дочери и прочла в них и горе, и мольбу, и волю последнюю. Стала она против дочери свидетельствовать — тем и сама спаслась, и внучку без присмотра не оставила.

Она тогда боялась смотреть в глаза дочери. Только когда ее на костер вознесли, она и решилась хоть в последний раз взглянуть на дочь, и взгляды их встретились. К хворосту уже факел подносят, а дочка на нее пристально смотрит, и не было в том взгляде ни осуждения, ни проклятий, а только любовь и благодарность. Три года минуло, а крик дочери, когда пламя к ней подобралось, и по сей день в ушах стоит.

Оно, казалось бы, и ничего, пошумит староста да родственники его — и все пройдет. Осадок, конечно, останется, но всем люб не будешь. Но, видать, не в этот раз. Хотя инквизиторских дознавателей пока и не было, но священник их приходский как-то так вскользь помянул дочь ее: мол, если дочка служкой сатаны оказалась, так ее кто-то научить этому должен был. А кто ж ее лекарскому делу-то учил? Ясное дело, бабка Ария. И по всему выходило, что в селе завелось гнездо сатанинское. А к какому выводу могли еще прийти крестьяне, если даже падре на то указывает? Вот и выходит, что если сам же падре за нее не заступится, то ее без суда Божьего на костер вознесут, да еще и внучку ее шестигодовалую вместе с ней пристроят. Бывало уже такое. И никто их не осудит, а еще и весть разнесут о том, что селяне, мол, сами сатанинское отродье извели.

Бежать нужно было. Да куда она могла бежать-то? Годы не те. Внучку жалко. Если за самой Арией грехи водились — а кто без греха, — то дите было совсем безгрешно. Нежно прижимая к себе маленькое тельце, бабка для себя уже решила, что как только поймет, что выхода нет, то сначала внучку зельем опойт, а потом и сама вослед отправится. Как-нибудь уж вымолит она у Господа, чтобы он внучку в рай забрал, а сама... Куда ж детоубийце — гореть ей в геенне огненной, но то ничего, вот лишь бы внучку...

— Бабушка, откройте, — настойчиво доносился из-за двери голос. Незнакомый голос. За многие годы она, почитай, каждого в селе в этот мир приняла, да с хворями через нее прошли все, так что и в этом селе, и в лежащих окрест она знала всех. А вот этот голос был знаком. Молодой такой, сильный.

— Дак спрашиваю же, кто?

— Уж не жечь вас пришел точно: тем, кто пожечь вас хочет, стучаться незачем — не такая уж и крепкая дверь, вышибут на раз.

А что тут скажешь, прав парень, как есть прав. Дверка и впрямь хлипенькая, а крепкая-то и не нужна была никогда. Домик ее стоял на отшибе, у кромки леса: сколько добра они с дочерью за многие годы селянам сделали, а за частокол их так и не допустили. Однако не боялась она ни лихих людишек, ни селян. Лихие — они тоже люди, и хвори их так же одолевают. А как так, то к кому? К ней, благо разницы она никогда не делала: раб божий в лечении нуждается, разве ж

она может не помочь. Селяне — те только с просьбой, а если так, как сейчас, то и крепкая дверь не поможет: не сумеют вышибить — вместе с домом пожгут.

Тяжко вздохнув, она отодвинула засов и открыла дверь. В лунном свете перед ней предстал молодой человек, высокий и крепкий, голос прямо под стать ему. Смотрит на нее, улыбается, открыто так улыбается, по-доброму, без хитрости и корысти. Видать, просто радуется тому, что бабка ему поверила и дверь отворила.

— Чего тебе? — ворчливо спросила старуха.

— Бабушка Ария, бежать вам надо. Прямо сейчас бежать. Я из села, так там на площади перед церковью староста распалается и народ заводит, чтобы пожечь вас, да вместе с внучкой. А падре рядом стоит — обвинений не высказывает, но и в защиту ни слова не проронил.

— Вот и с дочкой моей — все стоял и молчал. А ведь мы с дочкой, было дело, его с того света возвели.

— А то вы не знаете, какова она, благодарность людская!

— Да знаю я, знаю. А ты, стало быть, решил спасти меня?

— Ну да.

— А пошто так-то?

— Бабушка, вот давай мы об том поговорим в пути. Меня ведь тоже могут начать искать. Кто ж нормальный в ночь выедет за частокол?

— А почему я тебе верить-то должна? Может, ты все и придумал... — Однако в этот момент она поняла, что ничего парень не сочиняет, потому что даже здесь было слышно, как в селе поднялся разъяренный рев толпы.

— И теперь не веришь, бабушка?

— Верю, — вздохнула старуха. — Только не понимаю я.

— Потом, все потом. Бери внучку — и в телегу. Быстро. Да вещей не бери, иначе конец и тебе, и внучке, да и мне в придачу.

Что она могла сказать на это? А нет времени что-либо говорить. Бежать надо. Схватив затихшую окончательно и только лупающую испуганными глазенками внучку на руки, она выскочила из домишки как была и повалилась в солому, постеленную на дно телеги. Парень уже был там и, как только его пассажиры оказались в повозке, тут же стегнул лошадь. Та, словно почувствовав, что сейчас решается судьба ее хозяина, а может, и ее собственная, с места взяла резвый темп, увлекая за собой и телегу, и седоков. Теперь все решала скорость. Разъяренные селяне вполне могли организовать погоню, а от верхового им никак не уйти. Одна надежда: крестьяне — они не воины, побояться в погоню пуститься. Одно дело — отойти недалеко от села, чтобы пожечь незащитную бабку, и совсем другое — отправиться в погоню, а ведь вокруг леса, а в тех лесах лихие разбойнички.

Только с рассветом они отделились настолько, что смогли почувствовать себя в безопасности. Если бы была погоня, то уже настигла бы. А если отправятся с утра — поди найди их. За это время они успе-

ли пройти три перекрестка, да в одном месте сошли с дороги и, проехав по целине с десяток верст, вышли на совсем другую дорогу.

А паренек-то в здешних местах ориентируется дай бог каждому. Откуда?

Подъехав к опушке леса и слегка углубившись в него, парень остановил лошадь и принялся ее распрягать. Умаялась бедолага, как бы не запалить, это ж сколько она сегодня отмахала — в пару дневных переходов купеческого каравана уложится.

Закончив распрягать, парень стреножил ее и пустил пастишь. Сам же быстро наломал хвостора и развел костерок. Потом достал из телеги объемистый мешок и котелок, начал доставать из него свои пожитки. Мешочек с крупой, вяленое мясо, завернутое в чистую холстину, совсем уж маленький мешочек с солью. После чего поднял глаза на бабку:

— Бабушка Ария, вы тут хозяйничайте пока, а я до ручья прогуляюсь, воды наберу — он тут недалеко.

Бабка все это время молча наблюдала за парнем, так и не сделав попытки вылезти из телеги. Тело все затекло, а еще боялась разбудить умаявшуюся внучку. Да и парень ей был непонятен. Где это видано, чтобы вот так, ни с того ни с сего, абы кому помогали, да еще когда этого абы кого обвиняли в колдовстве?

Но парня, казалось, не заботили думы, он просто пошел прочь искать тот самый ручей. Или не искать? Уж больно уверенно он идет.

...Когда голод был утолен, а наевшаяся до отвала внучка вновь пристроилась на коленях бабушки, Ария все же не стерпела и заговорила:

— Не признаю я тебя. А стало быть, и обязанным мне ты быть не можешь. Пошто в это дело-то вязался?

— Так уж и не обязан?

— И места эти знаешь как свои пять пальцев, — продолжала она свои размышления, — а я ведь в округе всех знаю — почитай, все ко мне обращались. Ну и чем ты мне обязан, милоч?

— Так тем, что жив и дышу, тем и обязан.

— Я всех помню, кого пользовала, даже тех, кого единожды видела, — твердо возразила бабка, — а вот тебя и не помню.

— А и неудивительно. Помнишь Джона Крысолова?

— Как не помнить. Душегуб был редкий. Сколько годов от стражи бегал, сколько народу извел, изверг.

— Изверг. То верно. А только когда горе у него приключилось, то не оставила ты его и помогла.

— Не помогала я ему, хвала Создателю. Вот бабе его, было дело, помогла. Она тогда от бремени разрешиться не могла — дите неправильно лежало, так и померла бы. Погоди, погоди...

— Ага, бабушка. Теперь признала? Я это, я. Ты тогда не побоялась помочь разбойнику лихому, хотя лихим он еще не был, и мамку мою

сберегла, и мне помереть не дала. Так я долги всегда возвращаю — и добрые и недобрые, всем сполна воздаю.

— Знать, с отцом лихим делом промышлял, коли места эти так хорошо знаешь?

— Ходил с шайкой, не без того, только какой из меня лихой-то? Мальцом десяти годов был, когда отца моего со старухой обвенчали. А мамка померла раньше: с обрыва однажды сорвалась да шею сломила. Когда отца осудили, остался я на улице. Подобрал меня один умелец, Стилетом прозывался. Знатный был убийца. Не слыхала?

— Нет.

— Ну, оно и понятно: он по городам хаживал.

— И что же, он тебя своему ремеслу обучил?

— Было дело.

— И людишек ты со свету сживал?

— И до этого едва не дошло, да Бог миловал, — вздохнув, проговорил парень. — Жизнь-то — она переменчивая. Сложилось так, что оказался он по другую сторону.

— Это что же, в стражники пошел?

— Не. В стражники он не пошел. Стал он дознавателем инквизиции.

— А ты?

— А я так с ним и остался, чином, конечно, помладше. В помощниках я.

При этих словах брезгливое выражение, укоренившееся было на ее лице, сошло на нет, и теперь на парня взирали наполненные страхом глаза.

— Э-э, бабушка Ария. Ты это брось. Что же, по-твоему, как инквизитор, так сразу и на костер? То, что ты колдунья, никак не доказано, и в пособничестве нечестивцам ты не уличена, а то, что староста с молчаливого одобрения падре там на тебя возвел, ни о чем не говорит. Горе у человека, вот он и распалился.

— Значит, добром решил отплатить?

— И да, и нет.

— Как это?

— А вот так. Отплатить-то за добро — это стояще, но вот только есть еще и закон Божий. Если бы было проведено дознание и вина твоя была бы доказана, то это одно, а вот так, без суда — совсем другое. А какое дознание там можно было провести? Все кипят как вода в котле, никто рассудка слушать не хочет, падре в сторонку отошел. Да объявись я там хоть трижды инквизитором, слушать меня никто не стал бы. Оно, конечно, если бы я тебя колдуньей нарек — тогда да. А как захотел бы дознание провести, то меня самого, чего доброго, на костер вместе с тобой определили бы.

— Значит, ты за справедливость?

— За справедливость. В том клятву Господу нашему давал, за то и на смерть пойду.

— Странный ты.

— Ага. Сын душегуба. Сам душегуб. А стою за правду. Да только мне повстречался человек, который мне глаза сумел раскрыть и путь истинный указать.

— И кто же?

— Падре Патрик, он потом еще и епископом Йоркским был.

— Это тот, которого в еретичестве обвинили, а потом на Божьем суде оправдали?

— Он, бабушка. Ты не представляешь, какой это человек. И ведь сам Господь за него. Я тогда на площади был и все видел. Шел себе человек прохожий, взял да откликнулся на зов падре, никто ничего еще и понять не сумел, а поединщик, что инквизицией выставлен был, уже лежит мертвый, в честном бою убитый.

— И как же у тебя рука поднялась на столь тобой любимого человека донос написать?

— А ты откуда...

— Поживи с мое — еще не то узнаешь. Так что? Так было?

— Не у меня, — потупившись, пробормотал инквизитор, — у брата Адама.

— Это Стилет который?

Парень только кивнул.

— А ты что же, в сторонке решил отсидеться?

— С ним я был. Да только падре такие вещи говорил, что впоперек учению Церкви выходило.

— Знать, понял ты, что ошибался?

— Понял.

— А Стилет твой?

— Брат Адам он, не Стилет больше. И он понял. — Молодой инквизитор еще некоторое время растерянно смотрел на рдеющие угли костра, которые уже начали подергиваться серой дымкой золы, но потом взбодрился и обернулся к бабке: — То дела прошлые. Ты лучше скажи, что там у тебя на самом-то деле приключилось.

— А тебе не рассказали разве?

— Все как есть рассказали, и не как инквизитору — я там и не назывался, — а как человеку стороннему. Но долг обязывает меня все стороны выслушать.

— Ишь ты. Долг обязывает. Ну так слушай. Остались бы живы и ребенок, и мамка его, если бы они, дуралеи, меня послушали. Ребенок у нее неправильно лежал, да как лежал, так и пошел, а перевернуть его у меня никак не выходило: в пуповине он запутался. Предложила я им взрезать живот мамке да и достать мальчика, а потом и живот сшили бы. Конечно, шрам бы остался, да только жива была бы и с ребенком сейчас тетешкалась. А дуралеи эти на меня в крик. Я им — мол, со скотиной такое уже делали, когда она падала, так хоть теле-ночка спасти получалось, а девка здоровая, оклемается, вон воины ка-кие раны подчас получают — и выживают. Погнали меня со двора.

— А как померла бы девка?

— А она не померла? — гневно зыркнула старуха в его сторону. — Вон мамка твоя выжила, и ты эвон какой вымахал, и она так же могла.

— Так со мной так же было?

— Так же, так же. Да только отец твой долго думать не стал. Сказал, чтобы делала, что следует. Нужно, мол, голову отрезать и назад пришить — делай, да только если с ней и ребенком что случится, он меня сразу и порешит.

— Что потом-то было? Ну с невесткой старосты?

— А что было? Погнали меня. Бабы сами стали по своему разумению роды принимать, да только роды-то непростые, а они — как заведено. Ребеночка достали, да только удавили пуповиной, а ее, бедняжку, так порвали, что кровью она изошла. Вот и вся правда.

— Сходится все.

— Что сходится-то?

— Да все сходится. Ладно, бабушка Ария, давай собираться. Лошадка отдохнула, а внучка твоя да и ты в телеге поспите. Ехать надо.

— А куда ехать-то?

— Ну назад тебе нельзя, хотя и нет на тебе никакой вины. Знаю я одно место, где тебе будут рады.

— Ишь ты, прям-таки и рады.

— Ты не насмешничай. Раз говорю, значит, знаю о чем.

Странное это было село. Странное и большое. Все дворы как по линейке выстроены, заборы аккуратные, переулочки не вкривь и вкось, а тоже ровнехоньки. Дома сами тоже непривычные, аккуратные и все как один одинаковые — как их люди не путают? При подворьях огородики с грядками, деревья плодовые, да молодые — видно, что не так давно высажены, может, два года, может, три, но не больше, и так во всех дворах. Были и постройки для скотины да других нужд, и тоже все аккуратно так сделано, добротно, где-то что-то пристроено, а так тоже, видать, однамастно построено было. И опять — новеньким выглядит. Молодое село получалось, но больно уж большое.

А улица — та и вовсе удивила, потому как вся была отсыпана речной галькой с песком. По такой улице в самую распутицу можно и пешком пройти, и на телеге проехать и не потонуть по колено в грязи, а по краям дороги канавы, которые при въезде во дворы были перекрыты дощатым настилом, чтобы вода могла беспрепятственно стекать. Посредине села — просторная площадь, на которую главная улица выходит, а там церковь большая настолько, что может вместить не одну сотню прихожан.

Ария смотрела по сторонам и не могла насмотреться, до того все здесь было необычно и ладно устроено. Когда они подъехали к церкви села Пограничное, как назвал его инквизитор Сэмюэль, он прыг-

нул на землю и, попросив ее подождать, скрылся в здании. Вскоре он появился с седым священником среднего роста, но весьма округлых форм. Толстячок-священник ей сразу понравился — лицо у него было не просто одухотворенное, а доброе и приветливое, такие сразу располагают к себе. Вместе с ними появился и служка, который тут же юркнул в сторону, торопясь куда-то по своим делам.

— Все, бабушка, приехали, — произнес Сэмюэль. — Падре Иоанн о вас позаботится.

Они с внучкой прошли вслед за священником, который, проведя их в свои покои, озаботился скромной трапезой. Но Ария есть не стала, внучка же с детской непосредственностью набросилась на скромную еду — кусок сыра с хлебом да кружку воды.

Вскоре к падре заглянул невысокий крепыш с появившимися в волосах серебряными нитями седины и в окладистой бороде с той же редкой сединой.

— А вот и староста пришел. Быстро же тебя нашли.

— Здравствуйте, падре. Плох я был бы староста, если бы меня долго разыскивать пришлось. Звали?

— Звал, сын мой. Вот познакомься. Это Ария, она лекарка, и говорят, лекарка хорошая.

— А кто говорит-то, падре?

— Бэн, до чего же ты бываешь дотошным, — добродушно улыбнувшись и погрозив пальцем, проговорил священник. — Тебе недостаточно того, что я тебе это говорю, сын мой?

— Достаточно, падре, — тяжело вздохнул староста, словно ему было что возразить, но делать он этого не будет, и только из-за безграничного к нему уважения. — Раз так, то пойдем, бабушка Ария, определю тебя на жительство да объясню что к чему.

— И не забудь ее представить сэру Джефу, — напутствовал его священник.

— Это как водится, падре. Только вот определю, а тогда уже. Сэр Джеф-то опять увел дружину на учебное поле, так что скоро не появится. Но к вечеру обязательно.

Когда они вышли на улицу, староста окинул старуху и ее внучку внимательным взглядом и, кивнув своим мыслям, словно придя к какому-то выводу, проговорил, направляясь по улице и соответственно увлекая их за собой:

— Стало быть, по-горячему бежали.

— С чего ты взял?

— А как же иначе-то. Вещей у вас — только то, что на вас, даже узелка нет. Ты, бабушка Ария, не обижайся, но только со мной — как с падре на исповеди: мне здесь за порядком смотреть и ответ держать перед милордом и людьми. Пока дойдем, время есть, а не успеешь, так я и не тороплюсь.

— А что так-то? Разве дел нет?

— Дел выше головы. Да только лекарка — это дело такое, скользкое дело, а я за село перед милордом в ответе. Так что сама пойми, знать все должен.

— Твоя правда.

Ария без утайки, но весьма сжато рассказала ему о своей прошлой жизни, опуская подробности, рассказывая только в общих чертах. Не утаила и того, что произошло перед их с внучкой бегством.

— Сэмюэль, что привез нас, сказал, что нам здесь будут рады, что баронство только обустроивается и с лекарками просто беда, а барон тот о здоровье людишек сильно заботится.

— Правду сказал твой Сэмюэль. А из какого он села?

— А вот этого он не сказал, — проинструктированная инквизитором, тут же ответила бабка.

К ее удивлению, Бэн отнесся к этому заявлению с пониманием, словно иного и не ждал. Странно это было. Но, как говорится, поживем — увидим, да все и узнаем, может, и впрямь в этом нет ничего удивительного.

— Ну вот и пришли.

Бэн толкнул калитку одного из домов на соседней улице, расположенной ближе к центру села. Бабка замерла, не решаясь ступить на подворье. Так не могло быть. Те, кто жил лекарством, никогда не селились в селе — они всегда жили наособицу, за частоколом, так как люди не терпели их рядом с собой. От лекарства до колдовства один шаг, а потому они предпочитали перестраховываться: сколько бы добра ни принесла лекарка, в ней в любой момент готовы были увидеть пособницу дьявола, а потому и среди людей таким делать нечего. А буде хворь какая приключится, так до лекарки и добежать всегда можно, а нет — так и пригласить в дом.

— Ну, чего встала-то?

— А куда ты меня привел?

— Дом это теперь твой будет. Оно конечно, дом пока принадлежит милорду, ты должна будешь за него выплатить ему полную стоимость, но это не к спеху, за два-три года осилишь, а если и впрямь лекарка знатная, так и раньше любого крестьянина управишься.

— А не боишься меня в селе селить?

— С чего бы это? Будь ты с душком, то, чай, инквизитор тебя не привел бы. А так, как говорит милорд, лекарка должна быть поближе к больным.

— А с чего ты взял, что меня привел инквизитор?

— А то нет? Но дело не мое. Вот это твой дом. Ты пока подумай, что нужно для обустройства, походи, посмотри, а вскорости к тебе придет моя жена, ей все и обкажешь. А я пойду — твоя правда, дел много.

Обходя дом, сложенный на совесть из хорошего строевого леса, подворье, не менее ладно устроенное, она была словно во сне. Внучка,

пока еще не освоившаяся на новом месте, всюду следовала за ней, вцепившись своей ручонкой в бабкину юбку и затравленно оглядываясь по сторонам. Поверить в то, что этот дом, которому позавидовал бы любой зажиточный крестьянин в тех местах, откуда она убежала, — теперь ее жилище, было невозможно, но судя по всему, это было именно так.

Сам дом тоже удивил. При входе небольшая прихожая, чтобы зимой не прямо с мороза в жилье входить. За дверью прихожей что-то вроде камина, какой она видела на постоялом дворе, но точно не камин — тот больше на очаг похож, а это вообще ни на что из ранее виденного похоже не было. Очага же нет. Здесь же на стенах было несколько полок, как видно для утвари, небольшой, но и немаленький стол, две скамьи.

Справа и слева от странного камина или не камина — две двери, которые ведут в две комнаты. Та, что слева, самая большая, а дальше еще одна дверь, за которой уже поменьше, такая же, как и справа от камина. В этих комнатах стоит по кровати, простые, из струганых досок, но должно быть удобно, когда чем-нибудь застелется. А в большой комнате и нет ничего, только у окошка, затянутого бычьим пузырем, стоит большой сундук, простой, но ладный.

По всему выходит, что стены камина должны в зиму комнаты отапливать, это ж сколько дров нужно сжечь, и подумать-то страшно. И кругом чистый запах струганого дерева.

Входная дверь отворилась, и на пороге появилась небольшого роста дородная женщина.

— Здравствуйте, бабушка Ария. Я — жена старосты, Анна. Послал меня к вам, говорит, поди разберись, что там да как, люди совсем без ничего прибыли. Так с чего начнем?

По-доброму Арию встретили только падре, староста да его жена. Остальные косились недоверчиво и даже с долей опаски. Соседи и вовсе боялись смотреть в ее сторону. Освоившаяся было внучка попыталась завести знакомство с местной ребятней, да была бита и прогнана восвояси. Потом долго плакала на груди старухи, никак не понимая, почему к ней так-то. Нет, она знала, что жить наособицу — их лекарская судьба, девочка была сообразительной не по годам, но вот только она была ребенком и все принимала с детской непосредственностью. Раз уж пустили их жить в село, то и в остальном должно быть иначе. Ан нет. Все было как было.

Погоревав на пару с бабушкой — та тоже прослезилась горю внучки, — стали жить как и прежде: вместе уходить в лес, собирать травы да коренья, которые в скором времени могли понадобиться. Старуха была лекаркой — тем и жила, по-иному пропитание добывать не умела, а раз так, то нужно быть готовой, чтобы какую помощь оказать, да и внучку учить нужно продолжать: не станет старухи — та сама дол-

жна будет о себе позаботиться, а чему Ария могла еще научить кровинушку, как не своему ремеслу?

На следующий день к ней заглянул местный кузнец — его прислал староста, так как жена донесла, что лекарке нужен какой-то инструмент, топоры да вилы. Это хорошо, да только у нее были и иные пожелания. Опасливо сторонясь старухи, кузнец внимательно выслушал, что той требуется, а затем пригласил ее в кузню. Два дня она пробыла в кузнице, подле кузнеца, на пальцах объясняя, как переделывать то или иное, что по ее заказу он мастерил. Но сладили. Так в заботах шли дни, и миновало воскресенье, а на следующий день к ней пришел падре Иоанн.

— Здравствуй, дочь моя.

— Здравствуйте, падре.

— Не заболела ли, часом, та, кто должна здоровье людям нести?

— Слава Господу нашему, здорова, падре.

— А если так, то почему не была на воскресной службе? Или некрещеная?

— Да как можно, падре? — возмутилась старуха. — Да только нам никогда не было ходу в церковь, только к священнику отдельно и хаживали.

— Это кто же так завел? Уж не священник ли тамошний?

— Всегда так было. И когда падре менялся, так и оставалось.

— А теперь не будет, — сказал как отрезал падре Иоанн, в один момент преобразившись из добродушного в строгого и требовательного. — Велю тебе на каждую службу приходить, и внучку приводи. — А потом, вновь подобрев, закончил: — Люди к вам с недоверием, а вы еще и в церковь не ходите. Нужно это менять, пусть они с тобой и внучкой твоей не только по нужде общаются, но и по-доброму, по-соседски, тогда и не повторится того, что было раньше. Поняла ли?

— Поняла, падре.

— Вот и ладно. И еще. Если нужда какая, так ты не стесняйся, говори — не мне, так старосте, а лучше жене его: она лучше поймет заботы домашние. На людей не обижайся. Трудно им свыкнуться: столько нового — вот и лекарка, считай колдунья, — ухмыльнулся, — среди них живет. Ну да Господь им судья, а наше дело — изменить это.

Тогда она не поняла, о чем говорил падре, упоминая многие новшества, но постепенно, со временем до нее начало доходить, что попала она и впрямь в необычное баронство, и то, что ее определили на жительство в село, предоставив целые хоромы, хоть и не даром, но все же, было далеко не самым удивительным.

Господи, ну наконец-то монастырские земли. Вон и монастырь виден, стоит слегка наособицу от небольшого сельца, что при монастыре основал сэр Андрэ, насадив туда своих кабальных, которых покупали по всем маркграфствам, кого с собой купец Белтон привез — в

последнее время он сильно приподнялся — да передал барону, а кого и вассалы барона привели. У кабальных иных забот не было, как обиходить монастырь да духовную семинарию при нем, в которой обучались все дети, собранные с баронства.

Сейчас-то здесь было тихо, так как в селе оставались только дети кабальных — даже в приюте, при монастыре и духовной семинарии, не было ни одного сироты: на летнее время весь приют переехал в Кроусмарш, сейчас мальчишки под руководством ветеранов постигали воинское умение, чем были весьма горды. Люди поначалу хотели было разобрать детвору по семьям да и воспитывать как своих, как оно и было заведено, — редко когда увидишь в людских землях беспризорных детей. Это если уж совсем плохо да прижиться дите ни с кем не может: дети — они тоже разные бывают, и у каждого свой характер, подчас неуправляемый. Есть, конечно, и при монастырях приюты, но там по большей части совсем уж сироты. Бывает такое, редко, но бывает, что родня дальняя не хочет взваливать на себя лишний рот, вот и определяют таких детей в приюты при монастырях — оттуда дети в основном уходят потом в те же монастыри, но не все, конечно, если они сами оттуда не убегут до совершеннолетия.

На землях барона Кроусмарша люди жили довольно зажиточно, даже в зимнюю пору не задумывались о том, чтобы куда отправиться на приработок: приработком их обеспечивали на месте — бывало, что за зиму зарабатывали ничуть не меньше, чем с собранного урожая. Потому вопроса с приютом здесь и не стояло — люди разобрали бы всех детей по семьям, невзирая на отсутствие родства, — но барон отчего-то воспротивился этому. Больше сотни детей жили под его кровом и его опекой. Еще странность: распространялось это только на мальчиков — девочек-сироток тоже всячески привечали, да только в приюте ни одной не было, всех разбирали по семьям. Ну и в семинарии девочки не учились — худо-бедно приходские священники обучали их грамоте и Святому Писанию, на том их учеба и заканчивалась. С каждым караваном прибывали или один, или сразу несколько мальчиков, постоянно увеличивая численность приюта.

Сам сирота, Сэмюэль приглядывал за этим ревностно, правда, повлиять он никак не мог, но следил пристально, однако ничего предосудительного не видел. Всякий раз на праздники сам барон со всей семьей приезжал сюда, и хотя здесь обучался и его старший сын — в этом году минул первый год его обучения, — больше всего внимания он уделял именно сиротам, всячески стараясь выказать свою заботу. О баронессе и говорить нечего — она им всем вместо матери была, бывая здесь гораздо чаще, а не только в праздники, причем объяснить это желанием повидать сына было нельзя, так как подобным же образом она себя вела и до его появления в семинарии.

А вот от того, чему учили в этой семинарии, у него поначалу даже волосы на голове зашевелились. В этом месте был самый настоящий

рассадник ереси. Ну, во всяком случае, вначале он все именно так и воспринял. В селах священники тоже вели непонятные разговоры, да только там они действовали как-то исподволь, аккуратно подводя уже взрослых, сформировавшихся людей к тем выводам, о которых открыто и без утайки вели беседы со своими учениками в семинарии.

Впервые попав на подобное занятие, брат Сэмюэль едва сдержался, чтобы не отправить пространное донесение архиепископу, вернее, он-то это сделал бы непременно, но его остановили. Падре Патрик остановил, который вне баронства считался простым приходским священником в селе Новак да духовным пастырем семейства барона, а на деле держал в своих руках еще и все приходы в баронстве, и даже настоятель монастыря относился к нему с почтением, подобающим епископу, никак не меньше. Население баронства росло год от года, а вернее, чуть не ежедневно. Подумать только, в баронстве проживало уже больше пятнадцати тысяч человек, а люди все прибывали. Так вот, до людей медленно, осторожно, но неуклонно доводили тот факт, что орки — вовсе не порождения сатаны, а простые язычники, коих стоит вырвать из плена язычества и привести в лоно Церкви, что делать это нужно не огнем и мечом, а терпением и убеждением. То, что они отличаются от людей, объясняли все тем же язычеством, во мраке которого они-де живут уже многие века, еще до появления здесь паствы Господней. Что Господь, в мудрости своей, направил сюда людей, дабы они несли этим народам свет истинной веры, ибо каждая тварь на земле — творение Господа нашего.

Но люди позабыли о своем предназначении, позабыли, для чего в свое время, многие века назад, предки их направили стопы свои в Иерусалим, и просто решили, что Господь даровал им землю обетованную, новое Царство Небесное. Однако Господь в мудрости своей свел людей с орками, не ведающими истинной веры, люди же, позабыв о своем предназначении, восприняли их как врагов рода человеческого, и началась нескончаемая война, которая длилась уже не один век. Нет, они не призывали увидеть в орках братьев во Христе, ибо те не торопились встать под знамена истинной веры, но подвели к мысли, что сатана тут ни при чем. Вернее, происки сатаны-то как раз были повсюду, ибо он, одурманив разум служителей Господа нашего, поселил в их сердцах ненависть к древним жителям земли этой. Слепленные ненавистью, они даже не пытались увидеть, насколько разны орки. В доказательство этому в каждом селе было по несколько семей с южного пограничья, которые не таясь рассказывали о том, чему сами были свидетелями в пограничье и насколько разнятся повадки степных орков от повадок орков лесных.

Сказать, что брат Сэмюэль был в шоке, — это не сказать ничего. Но многие беседы с падре и братом Адамом, представленные факты, документы в виде древних рукописей, в том числе и рукописи самого святого Иоанна — уж как они-то сюда попали? — постепенно убедили

молодого и горячего инквизитора в правдивости всего этого. Тем более что сомнению предавалось не Писание и не вера в Господа, а именно отношение к оркам.

Не один и не два месяца минуло после его появления в Кроусмарше, прежде чем его решились отпустить в другие земли. Но теперь он знал и верил в то, что ничего сатанинского в орках нет, что они просто другие, вот и все.

Понял он и то, что безжалостное преследование инквизицией всего нового несет с собой большой вред. Вот доставленный им крестьянин Бон: чего в его делах сатанинского, если он, отбирая семена от самых лучших злаков, за многие годы добился того, что зерно из его семян выходило в полтора раза больше, чем у других? А его за это чуть на костер не спровадили: едва успели его умыкнуть вместе с семьей, причем против его воли, — он-то, не зная за собой грехов, хотел честно предстать перед судом. Здесь же с богатого урожая прошлого года все село Новак обеспечили необычными семенами, так что на будущий год барон планирует обеспечить семенами этого зерна уже все села баронства.

Или взять дочь старухи Арии. За что ее-то на костер, если она долг лекарский и христианский исполняла, помогая больному и ближнему? Откуда ей было знать, что тот обвинялся в ереси? Но долго разбираться не стали — вознесли на костер. А как же иначе, ведь и сама мать ее подтвердила, что дочка с нечистым водилась! А у старухи-то и выхода иного не было.

На многое теперь брат Сэмюэль смотрел иначе, многое увидел совсем в другом свете. Теперь судьба его была в том, чтобы помочь людям сбересть знания, которые люди в муках обретали, а иной раз в озарении, освященные волей Божьей. И свой долг он исполнял честно, а чаще и бесчестно — это уж как получалось.

Телега, проскрипев давно не смазываемыми колесами, втянулась во двор монастыря, и ворота за ней закрылись. Все. Теперь дома. Теперь можно говорить, не следя за каждым своим словом и не опасаясь доносов и, как следствие, ареста.

— С возвращением, брат Сэмюэль.

— Спасибо. А что, аббат Адам в монастыре?

— Вчера еще вернулся из Йорка. Все тебя выспрашивал. У себя он.

Поблагодарив монаха-привратника, инквизитор прямоком направился к своему начальнику. Оно конечно, главой всему здесь был настоятель монастыря, но только на инквизиторов он смотрел снисходительно, прощая им их обхождение, так как они только жили здесь, да и то нечасто, в основном все время проводя в разъездах, обряженные обычными людьми, и рясы не носили, так как по роду деятельности не должны были привлекать к себе внимание. Всего их было десять человек, и старшим у них был аббат Адам, которого возвел в это звание год назад архиепископ Йоркский.

— Ну наконец-то. Я уж думал, не случилось ли чего, — встретил его радостной улыбкой аббат.

Поднявшись из-за письменного стола, за которым он работал, — новшество внесенное бароном, так было работать куда сподручнее, чем за секретером, а уж тем, у кого были проблемы с ногами, так и подавно, — он подошел к Сэмюэлю и тепло его обнял. Не было в этом ни тени наигранности, а только искренние чувства. Сэмюэль не обманывал Арию, когда рассказывал о том, что его воспитывал этот человек, воспитывал своеобразно, но все же был как отец родной — а кем у него отец-то был? — вот то-то и оно. Убийца — достойная замена лихому разбойнику, это еще разобраться нужно, кто больше жизнью загубил.

— Господь миловал. Все хорошо.

— Все удалось?

— Я же говорю: все хорошо.

— Так, донесение падре потом напишешь, да смотри там не забудь, поаккуратней, незачем ему все знать. А сейчас расскажи, как все произошло, да тут уж без утайки.

— Переговорить со старухой я не успел, — пожав плечами, словно говоря, «как аббат скажет, так и будет», начал он. — Когда я прибыл, в селе несчастье случилось: во время родов преставилась невестка старосты, и тот расплылся на все село — мол, это старуха погубила и дите нерожденное, и невестку. Хотя на самом деле ей не дали спасти девку, сами и загубили, дурни. Раз уж так случилось, то я решил воспользоваться ситуацией. Мы ведь сразу думали, что она не согласится переезжать.

— Да. Странно, но при всей неприязни к лекарям они не спешат уходить с насиженных мест.

— Может, думают, что везде одинаково и не стоит искать лучшего, если есть хорошее.

— Ну, хорошим такое положение не назовешь. Но возможно, ты и прав. Продолжай.

— Дело едва не испортил местный приходский священник. Он в свое время был при смерти, и старуха вместе с дочерью вернули его буквально с того света. Дочери он помочь не смог: там вмешалась инквизиция, и он был бессилеи, а вот старухе пожелал помочь и образумить селян. Но это не входило в мои планы. Я представился ему, сказав, что здесь проездом, и выказал ему удовольствие, что в их селе столь ревностно борются с ересью.

— Священник начал науськивать крестьян?

— Нет. Он просто промолчал. Вообще не сказал ни слова. Но крестьяне поняли его так, как им было выгодно.

— Понятно. Ее исчезновение с тобой не свяжут?

— Нет. Я покинул село задолго до темноты, а потом дождался, пока стемнеет, отсидевшись в лесу. К старухе приходила какая-то крестьянка, уже после моего отбытия, так что ее исчезновение со

мною не свяжут. Честно признаться, мне не нравятся методы, которыми мы действуем. Я привел сюда уже четверых, и только один пошел своей волей. Вернее, пошли-то они сами, да вот только мои действия вынудили их к этому. Можно ли творить добро подобным образом?

— Важен результат. Просто помни о том, что было бы с этими людьми, доберись до них наши братья по ордену, а потом вспомни о том, как эти люди живут теперь. Волю Господа можно нести разными путями. Святая инквизиция сжигает людей на кострах и тоже считает, что несет свет веры. Ария не догадалась?

— Нет. Но, честно признаться, жаль, что мы опоздали на три года. Ее дочь сильно превзошла свою мать.

— У старухи есть внучка — она ее обучит, и знание не будет утрачено. Кстати, старуха-то как, крепкая еще?

— Крепкая, да только и внучке-то всего шесть.

— А вот тут мы ничего поделаться не можем. Иди, отдохнай. Даю тебе три дня, а потом снова в путь. Не смотри на меня как обиженный ребенок, сам знаешь — времени у нас не так много. Нужно торопиться.

— Мы прямо Ноев ковчег какой-то.

— Может, и ковчег. Иди.

Аббат Адам проводил взглядом своего бывшего ученика и тяжело вздохнул. Какой талант пропадает даром. Обучая его ремеслу убийцы, он поражался его успехам: паренек все схватывал на лету и совсем скоро начинал делать то, чему его учил Стилет, гораздо лучше, чище и виртуознее. Выйди он на улицы городов в той ипостаси, к которой готовил его лучший мастер мокрых дел, — и он затмил бы своего учителя. Но не судьба. Стилет совершил ошибку гораздо раньше. А потом был епископ Патрик, и карьера молодого человека завершилась, так и не успев начаться, потому что он без оглядки последовал за своим наставником.

После распространения различных вещей, которые явно указывали на существование Империи, он получил новое задание от архиепископа Йоркского. Дело в том, что брат Горонфло, надзиравший в свое время за селением Новак, никак не хотел успокаиваться. Вернее, он-то притих, когда барон Кроусмарш убыл в свои владения, ожидая вестей о гибели как самого барона, так и тех, кто последовал за ним. По убеждению инквизитора, они все были заражены ересью, и такая судьба была бы только закономерной. Но вышло невероятное: даже будучи преданным наемниками, сэра Андрэ сумел вывернуться и остаться в живых, мало того — он спас своих людей и сберег от набега как свое баронство, так и земли Йорка. Нападение было внезапным, и маркграфство просто не было готово к набегу. Теперь имя барона Кроусмарша было на слуху у всего маркграфства и прилегающих земель. Это никоим образом не могло порадовать брата Горонфло, который начал усиленно заваливать архиепископа прошениями о дозволении проведения дознания на территории баронства.

А вот это уже никак не входило в планы Игнатия, но и оставить без внимания настоятельные требования о проведении дознания, так чтобы не привлечь к себе внимания, он тоже не мог. Однако помня о том, что он со своим сообщником архиепископом Баттером — а как его еще назвать — дали молчаливое благословение барону Кроусмаршу, он не направил туда брата Горонфло. Вообще-то это было бы просто идеально, но только в том случае, если бы брат Горонфло был в числе посвященных, но это было не так. Связываться в этом деле с фанатиком? Ну уж нет, Игнатий еще не выжил из ума.

Вместо него он направил туда брата Адама, благо тот был в курсе всего и отношения у него с сэром Андрэ были натянутыми. Вот только он не учел одной особенности брата Адама: тот весьма своеобразно относился к тем, кто ему нравился, например, мог попытаться его убить, просто чтобы выяснить, какова будет реакция. А реакция барона ему понравилась, хотя все могло закончиться для самого инквизитора плачевно.

Оказавшись в Кроусмарше, брат Адам в первую очередь посетил падре Патрика, и так уж случилось, что повстречал у него и сэра Андрэ. Казалось, что та встреча, что была в «Бойцовом петухе», просто продолжилась.

Он без утайки рассказал им обо всем, что приключилось с ним за то время, пока они не виделись. Рассказал и о фальшивом караване, и о плене, и о рабстве, и о побеге, сильно удивившись реакции сэра Андрэ по поводу найденного инквизитором в камышах каравана, рассказал и о том, что начали предпринимать два архиепископа. Правда, с Баттером он не встречался, и напрямую о его участии Игнатий не говорил, но дознаватель сумел сложить два и два и получить правильный результат.

Однако та встреча вновь едва не закончилась плачевно. Все дело в бароне. Он ни на фартинг не доверял инквизитору при первой встрече, не изменил своего отношения и теперь. Глядя прямо в глаза брату Адаму, он, не скрывая своего презрения и злости, проговорил, цедя слова сквозь зубы:

— Ты в свое время уже предал падре. Только не нужно говорить, что это не так. Я долго беседовал с падре, я вижу тебя насквозь, как рентген. Не смотри на меня такими глазами.

— А что это такое? Рентген? — искренне удивился Адам.

— Кто о чем, а вшивый — о бане.

— При чем тут вши?

— Да ни при чем. Хочешь сказать, что я лгу?

— Нет. Донос был написан мною, — признал инквизитор, понимая, что либо между ними будет полное доверие, либо они попросту не смогут договориться.

— Успокойся, сын мой. — Падре положил руку на плечо сэра Андрэ, охлаждая его пыл. — Я не так уж и глуп и всегда знал, кто написал

тот донос. — Эти слова заставили удивиться обоих его собеседников. — Но это не было предательством. Я привел Стилета в лоно Церкви и сделал его ревностным ее служителем. Как он мог реагировать на мои высказывания, последовавшие позднее? Он просто выполнял свой долг, вот и все. И когда он пытался организовать мой побег, он был столь же искренен и довел бы задуманное до конца. Вот только тогда чувства у него возобладали над разумом, и он просто позабыл, на что по-настоящему способна Святая инквизиция, когда она поистине хочет найти того, кто им нужен. Я же об этом не забывал и понимал, что вместе со мной погибнет и он. Я решил просто довериться воле Господа нашего, и Он выказал ее, послав тебя, сын мой. И чем дольше я нахожусь подле тебя, тем больше убеждаюсь в мудрости Его и безграничной силе. Оставь эти мысли. Брат Адам никогда не предавал меня.

Тогда сэр Андрэ поверил падре или сделал вид, что поверил, не суть важно. Он стал подробно расспрашивать Адама о всех деталях произошедшего с ним. После двухчасовой беседы он отчего-то взбодрился. Это обстоятельство несколько удивило его собеседников.

— Извини, сын мой. Но не подскажешь ли, что тебя так вдохновило в рассказе Адама, что ты так воспрянул?

— А разве вы еще не поняли? Господи, да все просто как день. Ну вот смотрите. Есть император Гирдган, которому до зарезу нужно без проблем пройти сквозь степи кочевников, он готов заплатить кочевникам, если они пойдут ему навстречу, и готов заплатить, много, по-императорски, не скупись.

— И чего в этом хорошего? — удивился брат Адам. — Они возьмут дары — и войско беспрепятственно пройдет к нам.

— Э-э, не-эт. Не все так просто. Степняки имеют общего вожда?

— Нет, — ответил инквизитор.

— Значит, императору нужно будет договариваться сразу с несколькими вождями и ублажать их всех, а это может оказаться очень дорого. Но против императора выступают его же подданные — не открыто, но они всячески будут мешать ему. Во-первых, это торговцы, подобные тому, у которого ты был, и обычные торговцы живым товаром. Во-вторых, это торговцы, которые крепко завязаны на торговле со степняками: у них тоже немалую долю дохода составляет торговля рабами из людей — если не большую, при таких-то ценах. В-третьих, сами степняки, которые тоже имеют большую прибыль от торговли людьми. А император хочет в одночасье порушить уже веками устоявшиеся отношения.

— Ты хочешь сказать, что Империя не придет и степь все так же стоит заслоном между нами и нею?

— Нет, падре. Империя все равно придет. Вот только произойдет это не на следующий год и даже не через год. Я думаю, что года два у нас есть точно. Если только императору не надоест эта мышинная воз-

ня и он не набросится на степняков, чтобы проломиться к нам. Но тогда мы об этом узнаем. Но и в этом случае у нас будет как минимум еще год. В зиму, конечно, можно выйти в поход, да вот только зимы здесь настолько суровы, что вряд ли он отважится на подобный поход в отрыве от своих баз снабжения. — Поняв, что вновь сказал нечто непонятное, он отмахнулся от немых вопросов: — Не обращайтесь внимания. Вы ведь поняли, что я хотел сказать? Вот и прекрасно.

— И что ты намерен делать, сын мой?

— То, чего от меня и хотят архиепископы Йоркский и Саутгемптонский. Готовиться к войне и ковать оружие. Но только, коли уж у меня появилась фора по времени, делать я это буду более основательно, чем задумывал раньше. Ваша же задача, брат Адам, состоит в том, чтобы Святая инквизиция как можно дольше не совала сюда нос, потому как далеко не многие знают о том, что происходит на самом деле.

— С чего вы взяли, что можете отдавать мне приказы? — возмутился дознаватель.

— А я и не пытаюсь вам приказывать, — пожал плечами сэра Андрэ. — Либо мы делаем одно дело, либо не делаем. Вот и все. Я лишь предлагаю равноценный союз. С одной стороны — я, моя задача — в подготовке войска и его снабжения. С другой стороны — падре, он должен будет позаботиться о крепости духа паствы и доведении до них настоящего положения дел, так чтобы не поднялся бунт и нас всех не вознесли на костер в праведном гневе. И с третьей — вы, ваша задача состоит в том, чтобы инквизиция не совала свой нос в наши дела и не порушила наших начинаний. Вот как-то так, а иначе и пытаться нечего.

— Вы настолько уверены в своих словах?

— Хорошо, давайте посмотрим на это иначе. То, что задумали архиепископы, внесет смущение в умы паствы, умные люди сделают правильные выводы, но чем это закончится, если Церковь останется в стороне от этих начинаний? Кострами. Будет много, много костров — и еще больший страх в сердцах людей. Все. Иного такими методами они не добьются. Да, люди будут перешептываться, поползут различные слухи, но священники, которые должны сказать свое веское слово, станут либо отмалчиваться, либо с завидным упорством талдычить о том, что все это происки нечистого и его слуг орков.

— И что же предлагаете вы?

— Я предлагаю закрыться в Кроусмарше, всех впускать и никого не выпускать отсюда. Я уж позабочусь, чтобы людям здесь жилось лучше, чем там, откуда они придут, — настолько лучше, что они сами не захотят отсюда уходить. Торговлей займется мой друг, других торговцев я сюда просто не пушу. Это будет выглядеть нормально, учитывая то, что он едва не разорился, поддерживая меня в моем начинании, теперь же, чтобы отплатить ему, я замкну всю торговлю на нем:

хотят торговать нашим товаром — пусть покупают у него и кусают локти, раз оказались столь недалевидными. Полная изоляция. И в условиях такой изоляции — работа священников: уверен, что у падре найдутся единомышленники, в особенности из тех, кто знает об Империи. Некоторые уже прибыли, а скоро придет и тот, кто станет настоятелем монастыря Святого Иоанна. А вот безопасность — уже ваша епархия, и как этого добиться — решать вам.

В тот раз брат Адам сумел найти в себе силы поверить сэру Андрэ. Он систематически отправлял с голубиной почтой донесения в епархию, упирая на то, что ничего предосудительного, за исключением дозволенного, в Кроусмарше выявить не удастся. Иногда, примерно раз в месяц, он лично выезжал в Йорк, чтобы встретиться с архиепископом и в личной беседе сообщить то, чего не мог доверить бумаге. Конечно, он сообщал только то, что не могло возбудить в Игнатии подозрений по поводу того, что в Кроусмарше помимо дозволенной вольницы происходит еще что-то. Именно с благословения архиепископа брат Адам полностью закрыл баронство для посещения посторонними, так как будоражащие слухи, да еще и сильно приукрашенные, поползли бы по стране, а это было нежелательно.

Памятуя о трудностях, с которыми столкнулся брат Горонфло, а также о том, что полностью изолировать баронство сложно, Адам испросил помощи, и ему было дозволено набрать пять помощников.

Однако хитрый Игнатий вовсе не собирался полностью доверять дознавателю, а потому направил в Кроусмарш под видом переселенцев еще двоих своих людей. Оба прижились и затихли до поры до времени. Они не должны были присылать донесений — это им надлежало сделать только в том случае, если бы они заметили что-то не укладывающееся в рамки дозволенного. Ну и раз в полгода они должны были слать вести, чтобы Игнатий просто знал, что они живы. Разумная предосторожность, да вот только и брат Адам, дознаватель с большим стажем, чего-то да стоил. Оба согладая были у него под колпаком, а вернее, под арестом в подземелье Кроусмарша, потому что оснований для поднятия тревоги у них имелось более чем достаточно.

Уже через год такой совместной деятельности барон высказал инквизитору свое намерение дать приют тем, кто не укладывался в нормальные рамки общества. Он предложил брату Адаму заняться кроме обеспечения безопасности спасением тех, кто являлся носителями каких-либо новых знаний.

— Только не надо говорить о том, что все новое — это происки сатаны, — оборвал он попытавшегося было возразить инквизитора. — Возьмем то оружие, которое я нашел на орочьей стороне. Не будь его — и орки огнем и мечом прошли бы по маркграфству, а теперь эта опасность больше просто не существует. Сыграло в этом свою роль и то оружие, которое создал небезызвестный кузнец Грэг, а ведь

им в свое время очень сильно заинтересовалась инквизиция. А мой смерд старик Тони — ведь его фактически приговорили к сожжению, только мое вмешательство спасло его. А чего плохого он сделал? Разгадал секрет, как можно получить хорошую оружейную сталь из плохого железа, а ведь именно это сберегло жизни многим моим воинам, и мне в том числе. — Он не стал указывать на тот факт, что это было не так, жизнь ему не раз спасал титан, но суть-то была верной. — И так во многих вопросах. К примеру, из-за негативного отношения к лекарям и слишком частого сравнения их с колдунами их не так-то и много, а смертей от болезней не так уж и мало, но людей попросту некому спасать. Там, где есть приличный лекарь или лекарка, смертность гораздо ниже, люди воспринимают это как данность и, только сами же уничтожив того, кто нес им исцеление, понимают, что лишились чего-то значимого.

— Так что вы предлагаете?

— Я предлагаю вам направить часть своих людей за пределы Кроусмарша и попытаться спасти как можно больше людей, способных привнести новые знания. Они могут заниматься всем чем угодно. Здесь мы предоставим им свободу действия, обеспечим средствами, и, если их начинания будут способны принести пользу, мы дадим ход их новинкам, если увидим вред — сможем пресечь это. Все расходы я возьму на себя, вы просто укажите нужную сумму и обеспечьте выполнение этого.

Так появились инквизиторы, работой которых было только выявление подобных лиц и препровождение их в баронство. Брат Адам сомневался в целесообразности этого, но решил попробовать и посмотреть, что из этого получится. А получилось неплохо. Очень неплохо.

Крестьянин, который проявил интерес к зернам пшеницы и ячменя. Благодаря его любопытству значительно увеличились урожаи. Ткач, решивший облегчить свой труд, создал удивительный ткацкий станок, который не просто облегчил процесс получения полотна, а и увеличил его производство на порядок. Стекольных дел мастер, увлеченный своим делом настолько, что сумел получить не то мутное стекло, которое использовали до этого, но добился его абсолютной прозрачности, без пузырьков воздуха. Крестьянин, который, скрещивая разные породы овец, сумел получить новую породу, дающую значительно больше шерсти и гораздо лучшего качества, чем другие. Подобных примеров было уже около двух десятков, и в каждом случае в Кроусмарш попадали просто уникальные люди с уникальными знаниями, и эти знания уже приносили свою пользу. Да, это обогащало барона, но это делало богаче и жителей баронства, которые не знали, что такое голод. Даже кабальные, которые практически все отдавали барону, не знали особой нужды, а уж о голоде и говорить нечего.

ВОИНСКИЕ ЗВАНИЯ И ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ В АРМИИ ЗАКУРТА

Солдат. Гребень отсутствует. Исключение — вестовые, у которых скорее поперечная кисть, а не гребень, расцветка указывает на уровень непосредственного начальника.

Тотем. Командир *десятки*. Черный поперечный гребень.

Копье. Командир *тула* (51 солдат). Красно-черный поперечный гребень.

Кнут. Фактически заместитель командира *цербы* (два тула — 105 солдат и офицеры), последнее звание перед офицерским. Красный поперечный гребень.

Цербен. Командир *цербы* (два тула — 105 солдат и офицеры). В коннице — командир *конного пила* (51 солдат). Черный продольный гребень.

Ратон. Командир *турбы* (три цербы — 336 солдат и офицеры) или эска (105 солдат и офицеры), также есть *вспомогательная турба* (лучники, три цербы) и *арт-турба* (десять катапульт и десять баллист). Черно-красный продольный гребень.

Прайдер. Командир *прайда* (три турбы) или *конного прайда* (три эска). Красный продольный гребень.

Гебер. Командир *пикты* (четыре прайда пехоты: *парачи, гесты, прокты, траки*). Также имеется *арт-турба* (метательные машины), *вспомогательная турба* (лучники), *конный прайд*. Продольный красно-белый гребень.

Командующий. Звание непостоянное, зависит от назначения, применяется при использовании двух и более пикт, присваивается Всевластным. Продольный белый гребень.

Всевластный. Фактически главнокомандующий. Ярко-желтый (императорский цвет в Закурте) продольный гребень.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ	7
СТЕПЬ	275
КРОУСМАРШ	477
ЕРЕТИК	677
<i>Воинские звания и знаки различия в армии Закурта</i>	<i>888</i>